

любовный детектив

Елена АРСЕНЬЕВА

Час игривых
бесов

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

Час игривых бесов

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Час игривых бесов / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 5-699-10703-7

Некто заказал писательнице Алене Дмитриевой по телефону написать роман... о своей жизни. Она хотела было отказаться, но гонорар поражаел воображение! На условленную встречу заказчик не явился. Напрасно Алена прождала его. Однако, вернувшись домой, она обнаружила в своей квартире неизвестно как попавшего туда визитера, который выдвинул свои, на редкость странные условия написания романа и выплатил аванс... С этого момента точно бесы закрутили Алену в захватывающе-опасном вихре: она мечется между заказным романом и попавшим в беду любимым человеком, а еще пытается выяснить, кто же на самом деле ее заказчик – ведь он явно не тот, за кого себя выдает...

ISBN 5-699-10703-7

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Долги наши, или История жизни Ивана Антоновича Саблина	27
Долги наши, или История жизни Ивана Антоновича Саблина (продолжение)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Арсеньева

Час игривых бесов

Автор от души благодарит А. И. Охотникова, сотрудника Амурского отделения ТИНРО (Хабаровск), и Михаила Кузнецова (Нижний Новгород) за помощь в написании этого романа.

*Губы окаянные,
Думы потаенные.
Ой, бестолковая любовь,
Головка забубенная...*

Ю. Ким

Половина десятого. С минуты на минуту появится... Ага, вот и она. Мчится со всех ног. Интересно, она хоть когда-нибудь ходит медленно? За такой ведь не угонишься, даже если и захочешь. А впрочем, присмотришься к ней – и сто раз подумаешь, прежде чем чего-то захотеть. Ох и строит из себя, ох и строит...

Поэтому она всегда и одна, что больно высоко задирает нос. Ни мужа, ни детей. А впрочем, где ей кого-то воспитывать, за кем-то следить, о ком-то заботиться... У нее небось и кошки-то нет. Она сама – кошка, которая гуляет сама по себе. Вот и о ней не заботится никто. Всегда одна, всегда все сама. Сколько сумок на себя понавесила, это же надо! Неужели все это еда, неужели она все это собирается съесть? Ну, разве что недели за две!

Осторожно! Скользко же, вон какие наледи. Вчера шлепнулась на этом самом месте, так обойди его сегодня, а то будешь свои покупки по всему двору собирать!.. Нет, чешет напролом. Из тех, значит, кто на ошибках не учится. Как говорится, наступает на те же самые грабли. Ну что же, это вполне в моих интересах. Значит, это только слухи, что она такая уж соображающая, иглу в яйце видит? С одной стороны, хорошо, если это только слухи. С другой... Не хотелось бы ошибиться. Время, получается, зря потрачено?

Может, хватит уже наружного наблюдения? Пора переходить к действиям? А то который день торчу здесь, высматриваю ее, отслеживаю, подстерегаю, как зверь добычу!

Пожалуй, пора».

* * *

Алена свалила сумки у двери, отжала тревожную кнопку на сигнализационном устройстве и, не разуваясь, чтобы не тратить времени, побежала на кухню к телефону: звонить в отдел охраны, докладывать о своем прибытии. С отделом охраны у нее были сложные отношения: поскольку из-за своей патологической рассеянности Алена временами забывала отключать сигнализацию, крутым парням в бронежилетах слишком часто приходилось исполнять инструкцию по параграфу «Тревога»: наезжать в квартиру, откуда поступил вызов, готовясь повязать наглую грабительскую банду, однако... однако наткаться там всего лишь на растяпу-хозяйку, сконфуженно лепечущую извинения и умоляющую о пощаде. Пока Алену и в самом деле щадили: она отделялась всего лишь штрафами за ложный вызов, однако в прошлый раз старший наряда, уже наперечет знающий не только все ее пижамки и халатики (в какое только время дня и ночи ее ни ловили на месте преступления!), но и выучивший наизусть весь набор ее косноязычных оправданий, пригрозил, что ей просто-напросто отключат сигнализацию при следующей оплошности.

Алена Дмитриева принадлежала к числу тех ворон высокого полета, излечить которых от любимой рассеянности (хотелось бы верить, что – гениальной) способна только шоковая тера-

пия. Поэтому вот уже почти полгода она вела себя хорошо, не забывала вовремя позвонить на пульт охраны, и это благотворно сказывалось на состоянии ее кошелька. Конечно, стоимость штрафа не бог весть как велика и практически не разорительна, какие-то сто рублей, однако раз сто рублей, два раза, три... мало не покажется! Этим деньгам можно найти и лучшее применение!

Сегодня Алена это применение нашла с блеском. У подруги Инны назревал день рождения, часа три Алена шлялась по магазинам в поисках подарка и купила-таки его. Это был роскошный нежно-пепельно-розовый мохнатый и теплый шарф. С некоторых пор подруги ощущали в своих душах неодолимую страсть к розовому цвету. Может быть, это возрастное, беспокоилась втихомолку Алена, недаром американские бабульки, которые беспрестанно путешествуют по миру, одеты почти исключительно в розовое! Впрочем, до перехода в разряд бабулек у подруг еще оставался некоторый (изрядный) запас времени, поэтому Алена предпочитала объяснять тягу к розовому тем, что этот цвет нынче был исключительно моден.

Итак, Инне предназначался шарф, а еще был куплен роскошный ананас для праздничного стола. Продавец, играя глазами так, как это умеют делать только жуликоватые «казбеки» с Мытного рынка, посоветовал *красавице* съесть его сегодня или завтра, самое позднее – послезавтра, не то экзотический фрукт прокиснет, да? Поскольку день рождения Инны должен был произойти именно послезавтра, горькая, вернее, кислая участь ананасу, конечно, не грозила. Главное было – не поморозить его в дороге, потому что зима в Нижнем Новгороде наконец-то случилась... кто бы мог подумать, после той волшебной, затяжной осени, которая царила чуть ли не до конца ноября! Дорога, в которой предстояло беречь ананас, пролегла до деревни Маленькой, где у Инны и Леонида Тюлениных имелся домик, тоже маленький, и где намечалось провести застолье, чтобы потом пошляться на лыжах по свежему снегу. Хозяева уехали туда загодя прогреть настывшее жилье и провести внезапно случившийся перерыв в делах, а Алена должна была отправиться в путь завтра. Именно для того, чтобы несколько разнообразить излишне э-э... натуралистичный, скажем так, деревенский стол, она и купила ананас, ну и бутылочку любимого «Бейлиса» в придачу. Ничего нет на свете лучше «Бейлиса» поздним вечером, когда мозги уже свернулись от работы, а норма «количества знаков», определенная себе на этот день, еще не выполнена!

«Количество знаков» – это, понимаете, такая штука... Вот раньше писатели (а Алена Дмитриева, чтоб вы знали, – писательница, она детективы валяет и любовные романы) выдавали на-гора исписанные страницы. Садись за письменный стол, в руке – наостренное, остро очиненное гусиное перо (для чего и существовали перочинные ножи!), перед тобой – чернильница и стопка чистой бумаги, справа – эти же бумажные листы, но уже исписанные мелким почерком, то есть готовая нетленка, ну а где-то под потолком мелко трепещет крыльшками Муза (или Пегас бьет в стойле копытом, это уж у кого какая специфика). Но прогресс, как известно, зашел далеко, даже слишком, а потому и сели писатели за компьютеры и принялись исчислять свою продукцию не в количестве страниц, а в количестве буковок, точек, запятых и прочих знаков препинания. Авторский лист, по которому идут все издательские расчеты, – это сорок тысяч знаков. Для кого-то это месяц работы, для Алены Дмитриевой с ее скорописью – от двух до четырех дней. Случалось, впрочем, написать лист и за день, но это – с большим напрягом. Всего в романчике должно быть четырнадцать-шестнадцать листов. Время написания ограничено. Поэтому Музу нужно всячески улеживать, упрашивать, задабривать – и арбайтен, арбайтен строго по норме!

Ну так вот, когда Аленина Муза начинает что-то из себя корчить (например, мнить себя задушевной подружкой не второразрядной детективщицы, а как минимум – соратницей Дафны Дюморье!), ее очень хорошо стимулирует глоточек-другой «Бейлиса». Но не больше: во-первых, писательница на головушку слаба, сразу уснет от большего количества глоточков, а во-

вторых, наутро прекрасные глазки затекут, пальчиками их открывать придется. Нет, нет и нет, этого нам и даром не нужно!

В деревне Маленькой «Бейлис» будет принят после застолья, у камина, под занавес дня, чтобы окончательно расслабиться и шлифануть местную «Клюковку» (самогонку, попросту говоря, на клюкве настоящую). «Бейлис» после «Клюковки» – это извращение, по большому счету... А, ладно, одна живем!

Спиртное, как известно, улучшает аппетит. Даже одни только мысли о спиртном резко улучшили аппетит Алены. А между тем она строго-настрого запрещала себе есть после семи вечера (вообще-то, есть нельзя после шести, но это уж вообще лучше сразу застрелиться!). Чтоб вы знали: у тех, кто после семи вечера предается чревоугодию, образуется на верхнем прессе (то есть на животе выше пупка) так называемая «ночная складочка» – это такое жуткое утолщение, жировой валик, который ужасно трудно согнать. Алене недавно удалось совершить такой подвиг ценой невероятного количества качаний и прыжков в шейпинг-зале, поэтому наживать новую пакостную складочку очень не хотелось. Однако свою слабую натуру она тоже знала. Работа впрок не пойдет, если будешь думать о любимых творожках «Чудо» (если бы Алена занималась рекламой, она придумала бы для этих творожков такой рекламный слоган: «Их единственный недостаток в том, что они быстро кончаются!»), которые тебя ждут в холодильнике, или, к примеру, о салате из кальмаров, или о свекольных котлетах, которые можно разогреть, а заодно сварить в «мешочек» пару яиц, и вот эти яйца с котлетами, плюс немножко майонеза и соленый огурец...

Ох, искушение! Бог Шейпинг, укрепи меня в решимости моей!

Зазвонил телефон. Алена почти радостно схватила трубку и ринулась из кухни, восприняв это как помощь свыше.

– Алло?

Молчание.

– Алло?!

– Здравствуйте.

Кто бы это мог быть? Голос странный – уж очень тихий и сиплый... Откуда звонят, из области, что ли? Что-то сильно трещит в трубке. Или просто помехи на линии?

– Добрый вечер, – ответила Алена.

– Мне нужна писательница Алена Дмитриева.

Да что ты говоришь?! Неужели она и в самом деле кому-то нужна, эта писательница? Ну что ж, очень радостно!

– Слушаю вас.

– Это вы?

– Да, это я.

– Алена Дмитриева?

– А что, – осторожно спросила она, – не похожа? В смысле, у меня не писательский голос? Или еще что-то не так?

– Дело в том, – обстоятельно объяснил сиплый, – что ваш телефон мне дали в писательской организации. А когда я проверил его по программе «09», вышло, что по этому адресу проживает некая Ярушкина Елена Дмитриевна. Как вы это объясните?

Как вы это объясните?! Докажете, что вы не виновны, да? Ну что ж, с наглостью у неожиданного корреспондента все нормально. А вот с элементарной логикой – увы...

Как поступить? Может, оставить его наедине с этой неразрешимой загадкой? В смысле, бросить трубку? Хотя нет, не стоит. Во-первых, такое настырное и обстоятельное создание, конечно, будет названивать снова и снова, а во-вторых, стоит Алене остаться наедине с собой, как ее снова и неодолимо потянет к холодильнику...

– На самом деле все очень просто, – сказала она довольно любезно и даже удержалась, чтобы не усмехнуться ехидно. – Елена Дмитриевна Ярушкина – это я. Однако романы свои я пишу под псевдонимом Алена Дмитриева. Так что мы в одной квартире вполне мирно уживаемся – обе-две: Ярушкина и Дмитриева.

Насчет «вполне мирно» – это она лукавила. Очень сильно лукавила. Антагонизм между осторожной, зажатой и холодной Еленой Ярушкиной и рискованной, дерзкой и страстной Аленой Дмитриевой имел место быть, причем порою он ломал все и всяческие рамки. Так сказать, закон диалектики в действии: единство и борьба противоположностей... Однако обсуждать законы диалектики со случайным человеком Алена не собиралась, поэтому уточнила только:

– Теперь понятно?

– Понятно, – просипел телефонный собеседник, и Алена просто-таки увидела, как он кивнул лысоватой головой. При этом *увиделись* и некоторые другие черты: он курит, конечно, и курит много. Пожалуй, ему далеко за сорок, может быть, и за пятьдесят, он худ, желчен, у него длинное лицо с унылым носом и тонкогубый рот. Одет, разумеется, в тренировочные штаны с пузырями на коленях и в несвежую рубаху. А в свободной руке зажата небось бутылка «Клинского»...

Ну, это уже полные кранты. Жуть, с таким даже по телефону говорить неохота. Уж лучше мечтать о содержимом холодильника, о творожках «Чудо»: ванильно-грушевом, ванильно-персиковом, черничном, а также вишнево-черешневом...

Ох, ох, искушение!.. Бог Шейп, на тебя вся надежда!

– Извините, а вы только это хотели у меня узнать? Чем Ярушкина отличается от Дмитриевой? – спросила Алена с намеком на нетерпение. Типа, она такая занятая писательница.

Ну да, в самом деле занятая, правда истинная. Нынче надо еще десять тысяч знаков нащелкать, а на дворе ночь-полночь.

– Я читал ваши романы, – сообщил собеседник.

– Да?.. – насторожилась Алена. – Ну и как?

– Ничего, нормально. Особенно «Бедный, бедный Достоевский!» мне понравился. Круто вы там завернули... с этими шифрами, с психами, со стриптизерами... И про любовь очень миленько написано ¹.

Очень миленько?! Про великую страсть ее жизни?! А не пойти ли вам, сударь, по направлению к Свану, условно говоря?

Однако Алена, сама не зная почему, опять сдержалась и позволила себе отнюдь не грубость, а всего лишь малую толику высокомерия в голосе:

– Спасибо на добром слове, мне этот романчик тоже нравится.

– А вот скажите, вы откуда сюжеты берете?

Вопрос, конечно, интересный...

– Да из жизни преимущественно, – откровенно хихикнула Алена, ничуть не покривив душой, потому что и ее жизнь, и жизнь ее близких друзей и подруг была неоднократно препарирована в ее же детективчиках. После этого некоторые из друзей перешли в разряд бывших. Прискорбно, конечно, однако искусство, как известно, требует жертв. – Все очень просто на самом-то деле. Видишь жизнь, описываешь ее...

– А вы могли бы написать роман по заказу?

– В смысле? По заказу кого? Чего?

– По моему заказу.

– Вы меня, ради бога, извините, – озадачилась Алена, – но у меня есть определенные обязательства перед издательством «Глобус», для которого я работаю. У меня договор, аванс получен, существуют сроки сдачи рукописи...

¹ Об этой истории можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Крутой мэн и железная леди».

– Да ладно, – небрежно перебил этот лысоватый, с унылым носом, – ну что они вам там платят, в том издательстве? Я читал в «Московском комсомольце», что всего только три-четыре автора у них получают по-настоящему хорошие деньги, а остальные – так себе, перебиваются еле-еле. А я вам хорошо заплачу, по-честному. Без обмана.

Ах, какой пассаж, какой, однако, поворот неожиданный!

– Извините, а «хорошо» – это в вашем понимании сколько? – очень вежливо, почти без намека на ехидство, голосом благонаправленной девочки полюбопытствовала Алена.

– Ну, пять тысяч, я думаю, нормально будет, – солидно сказал заказчик.

– Пять тысяч... извините, чего? – тем же ехидным голосом продолжала спрашивать Алена. Сейчас он скажет: «Рублей, конечно, а чего же еще?»

– Евро, конечно, а чего же еще? Ведь доллар-то падает, – последовал небрежный ответ.

Пять тысяч евро?! Нашей писательнице в самых смелых снах ничего подобного и не снилось! Скорей она поверила бы, что предмет ее пылкого обожания завтра же сделает ей предложение руки и сердца, чем в то, что кто-то предложит ей за роман ТАКУЮ цену.

– Вы что, серьезно? – спросила она почти робко.

– Более чем.

Ого... Какие слова мы знаем! «Более чем...» Речь выдает в нем более тонкую натуру, чем сначала показалось Алене!

– Извините, а подробнее нельзя?

Что-то она слишком часто извиняется! Конечно, Алена патологически вежлива, что есть, то есть, а в маршрутках земляки-нижегородцы подозрительно смотрят на нее: чего это она все время извиняется, пробираясь к двери, может, на ногу мне наступила, а я и не заметил? Но здесь все же не маршрутка. Совсем необязательно на каждом шагу расшаркиваться. Если этот сдвинутый готов заплатить пять тысяч евро за амортизацию ее таланта, значит, он и впрямь высоко ценит писательницу Дмитриеву. Если только... вот именно: если только он и в самом деле не сдвинутый, не шутник, не приколист, мающийся от безделья. Если вообще это заманчивое предложение сделано вполне серьезно!

– Изв...

ТЬфу ты, пропасть!

– Я хотела спросить, как вы это себе представляете? Роман пишу я, однако вы значите как автор? Но на какую тему роман? В каком жанре? Какой срок, какой объем произведения? И где вы собираетесь потом опубликоваться? Если в «Глобусе», то...

– Ваш «Глобус» меня не интересует.

Невидимый собеседник резко ткнул сигарету в пепельницу и смахнул со стола бутылку «Клинского», взамен брякнув хрустальный толстостенный стаканчик джина «Сапфир» со «Швепсом». Тренировочные штаны с пузырями сменились джинсами самое малое «Леви Страус», а несвежая рубаша – пуловером из магазина... из магазина, такое впечатление, «Гленфилд» – и это как минимум!

– Я хочу, чтобы роман под *вашим* именем (мое я афишировать не намерен) был написан как можно скорей, желательно вчера, объемом... ну, как получится, чтобы описать ту историю, которую я вам расскажу. Я в ваших этих авторских и издательских листах не силен, мне главное – содержание.

– Под моим именем? – пролепетала Алена, пораженная тем, с какой скоростью восстанавливался волосяной покров на голове ее лысоватого собеседника. Клиника «Трансхаер» отдыхает. А когда, интересно, он успел сделать пластическую операцию и превратил свой вислый нос в энергичный румпель с патрицианской горбинкой? И мышцы уже накачал... Ну и ну! Пожалуй, он теперь немножко напоминает самого красивого, с точки зрения Алены, мужчину современности – Шона Бина в роли Одиссея из фильма «Троя». Нет, если честно, самым красивым мужчиной современности был другой – тот, кого любила Алена, но который так и не

полюбил ее, хотя иногда и радовал своим присутствием в ее жизни и постели. Но подобного ему в принципе нет, искать не стоит и даже пытаться подражать ему бессмысленно!

– Под моим именем? Но мое издательство будет возражать, что я... – Она с трудом перевела дух. Кажется, про аналогичную ситуацию уже было сказано классиком: «От жадности в зобу дыханье сперло!» – ...что я печатаюсь еще где-то.

– «Глобус» возражал бы, если бы вы засветились в другом издательстве, я правильно понимаю? – небрежно спросил Шон Бин. – Но этот роман будет печататься в еженедельной газете – из номера в номер, с продолжением, вы понимаете? Номерах примерно в четырех или пяти. Город, в котором выходит эта газета, расположен настолько далеко от Москвы, что шанс «Глобусу» узнать об этой публикации равен примерно нулю. Кроме того, когда в газете роман пройдет, вы вполне сможете продать его вашему «Глобусу». Я на текст вообще не претендую. В таком случае и овцы будут сыты, и волки целы.

– В смысле, наоборот, – попыталась перехватить инициативу совершенно обескураженная Алена.

– Да нет, – сипло усмехнулся на том конце провода Шон Бин и пригладил свою золотисто-русую, с легкой проседью буйную шевелюру, которую уже вполне можно было завязывать в роскошный хвост. – Все получится именно так, как я сказал!

* * *

– Ну ты и мудак, – сказала Раечка. – Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты мудак?

– Нет, – покачал головой Димка. – Ты первая. Другие мои девушки считали, что я умный. Может, я просто в твоём присутствии глупею?

Раечка расплылась было в довольной улыбке, но тотчас стиснула губы в маленький, пухленький аленький узелочек. Если парень говорит девушке, что глупеет в ее присутствии, это следует счесть комплиментом? Или нет? Означает ли это, что ее прекрасные глаза вышибают из его головы всякий здравый смысл, или... или это значит: с кем поведешься, от того и наберешься? В том смысле, что ее глупость заразнее СПИДа? Нет, ну она-то определенно не могла навести Димку на его бредовую идею! С ума сойти: попросить у ее отца тридцать тысяч баксов на нелепейший проект, который возник в Димкиной воспаленной башке!

Разумеется, для отца такие деньги – не проблема. И даже в два раза больше – тоже не проблема. И даже в три раза... Раечка хоть и не знала толком, сколько у папы денег, подозревала одно: много. Его новая жена меняет шубки, авто и бриллианты даже чаще, чем, к примеру, та противная и высокомерная долговязая тетка, которая ходит вместе с Раечкой в шейпинг-зал, меняет футболки и брюки или лосины. Впрочем, с теткой-то все понятно: ей уже лет за сорок, а может, даже и больше, ну вот она и торопится взять от жизни все, что можно и нельзя. Вот и кокетничает с собственным отражением в зеркале – больше-то в шейпинг-зале никого не потрясешь неземной красотой! Все дамы там заняты сугубо собой. Раечка вообще обратила внимание на эту мымру только потому, что она жуткая зануда. Раечка как-то сказала, что программу пора менять, потому что ей это отстойное г... надоело, так надо было видеть, как перекосилась старая вешалка! И посмотрела своими водянистыми глазами этак свысока... Конечно, Раечка понимает, что если в тебе сто семьдесят два сантиметра, как в этой Алене (ее Аленой зовут, вешалку), то хочешь не хочешь, а будешь смотреть на окружающих сверху вниз, как жираф на божьих коровок. Но ведь это же ненормально – быть такой высокой, это же стыдно для женщины, этого же стесняться надо, ну, скрывать как-то, а не щеголять, задрать нос и выпятив грудь да еще и взгромоздясь при этом на высоченные каблуки!

В ее-то годы, господи боже, еще и в шейпинг-зал таскаться... Да если Раечка доживет до тридцати, это вообще будет чудо из чудес, после этого возраста надо сразу стреляться, вешаться, топиться – ну, на худой конец, заводить собственный косметический салон, как

поступила мудрая Раечкина маманька. Не сама она его завела, конечно, – папанька подарил, когда с ней разводился: в качестве отступного. Хорошее отступное, ничего не скажешь! Благодаря этому салону маманька всегда подтянута и затаянута во всех нужных и ненужных местах, зашита и ушита. Надо думать, эта Алена тоже втихаря подтягивается в каком-нибудь салоне, потому что выглядит... отвратительно хорошо она выглядит, пакость такая.

И ноги у нее жутко длиннющие... Конечно, Раечке пока только шестнадцать, может, годам к сорока или... или даже больше у нее тоже ноги вытянутся, но ведь на кой ей это будет нужно в те-то годы? Хотя Алена, похоже, очень хорошо знает, что делать с такими ногами, вон, задирает их выше головы да еще, говорят, бальными танцами занимается, и бойфренды у нее, по слухам, один другого моложе и красивей...

Отвратительная, просто отвратительная старушонка, а туда же!

Вдобавок, говорят, она какие-то романчики пописывает. Дрянь, конечно, какую-нибудь. Не то чтобы Раечка читала... но это ведь само собой понятно, что чепуху всякую пишет. На что может быть способна местная знаменитость? Настоящие писатели живут как минимум в Москве, ну а в провинции тусуется только полный отстой. И взгляды у нее, у этой Алены Дмитриевой, тоже жутко отстойные.

Раечка один раз, собираясь после шейпинга домой, посмотрела в окно и говорит:

– Не погода, а х...

Ох, как распытелась эта Алена! А что такого было сказано? Нормальное, общеупотребительное слово!

Как и все нормальные люди, отец и мать Раечки матерятся. Новая жена отца – тоже. Ой, Раечка один раз слышала, как она орала на папаньку:

– Чмо недое...! Ты мне обещал «Ауди», а что купил? Какое, на... «Пежо»? Его только в жо...!

Ну, крепко было, в общем, сказано. Зато доходчиво. Отец быстро купил новой жене «Ауди», а Раечкиной матери отдал «Пежо». Вот что делает простой, элементарный мат. Алена же обожает читать проповеди на тему, что матерщина портит генофонд. Это же надо, дожить до таких лет и не стесняться пороть подобную чушь! Как будто генофонд портит не засорение экологии, а какая-то фигня вроде слов!

Хотя, кажется, не одна Алена такая замшелая. Димка вон тоже напрягся из-за того мудака. Да ну, беда какая, подумаешь! Обойдется!

Однако почему-то не обходилось... Его что-то слишком сильно заклинило. Отвернулся, помрачнел. Только что тискал Раечкину ручку, восхищался ее пальчиками с длиннющими ногтями (наращены в маникюрном салоне, но Димке такие подробности знать совершенно ни к чему, пусть думает, будто с такими ручонками Раечка и уродилась!), игриво тыкался носом в щечку и тянулся к губкам, однако Раечка кокетливо уворачивалась... теперь она не стала бы уворачиваться, но Димка уже к ней не тянется.

– Дим, да ладно тебе. Что я такого сказала? – Раечка ласково пристукнула по его колену. – Ну Ди-им...

– Знаешь, Райка, – вдруг сказал он, вставая, и у нее нехорошо забилося сердце от этого его тона, от этого имени: раньше никогда, ни разу он не называл ее «Райка» или даже «Раечка», только ласково и необыкновенно – «Раисенок», – забудь, о чем я тебе говорил, ладно?

– В смысле? – насторожилась она.

– Ну, ты права: это глупость была – просить у твоего отца деньги под мой проект. Конечно, он не даст. Никаких гарантий, никакого поручительства. И ладно бы еще на счет перевести, а то ведь наличка нужна... Этот мужик свой товар не афиширует, отдаст его только за живой налик. Конечно, какой нормальный человек такие деньжищи просто так отдаст незнакомому пацану, которого дочка, можно сказать, с улицы привела? Я-то про себя точно знаю,

что я не кидала, не лохотронщик, не аферист, но людям-то этого вот так сразу не понять. Может, я и не мудака, конечно, но и умником меня не назовешь.

Показалось Раечке или в самом деле голос у Димки при слове «мудак» сделался каким-то не таким?..

Обиделся? Неужели до такой степени можно обидеться из-за какой-то ерунды?

– Дим, да ладно, – снова пробормотала она. – Да плюнь, ну ерунда это...

– Райка, пошли, смотри, одиннадцать уже. Опять будем твою маршрутку ждать до полного отмерзания конечностей! А потом придется тебе на такси ехать.

Димка торопливо сгреб на поднос пустые стаканчики из-под кофе и сандэя, красные фирменные пакетики из-под жареной картошки, бумагу из-под биг-маков, сунул все это в мусорный контейнер (он был жутко аккуратен и просто-таки изводил Раечку тем, что норовил сам убрать за собой посуду в любой кафешке, куда они заходили, иной раз доводя до шокового состояния официантов) и чуть ли не силком поволок девушку прочь из теплого, вкусно пахнущего нутра «Макдоналдса» на засыпанную снегом, продутую ветрами улицу.

– О, смотри, 185-я идет! Вот повезло!

Да, повезло, конечно: ведь эта маршрутка шла буквально до Раечкиного подъезда. От всех других приходилось топать чуть ли не квартал, а пройти глухим вечером даже один квартал по автозаводским дремучим чащобам – это иногда то же самое, что по минному полю ползти или под обстрелом побывать. Чревато... Обычно эту маршрутку приходилось ждать невесть сколько. Но какой черт ее принесло именно сейчас? Они ведь даже не успели ни поговорить толком, ни проститься!

Димка запрыгал, замахал руками, привлекая внимание водителя. И привлек-таки: маршрутка остановилась, дверца открылась.

Раечка потянулась было к Димке – поцеловаться на прощание, но он только мазнул губами по ее щеке и подпихнул на подножку. Тотчас дверцы сомкнулись за ее спиной, «пазик» рванул с места, и когда Раечка развернулась, приткнулась к ледяному стеклу, вгляделась: фигуры в короткой куртке с капюшоном, Димкиной фигуры, коротко стриженной светловолосой головы, Димкиной головы! – на остановке уже не было.

– Платить думаем? – послышался усталый голос кондукторши, и Раечка нашарила в кармане мелочь. Однако там у нее оказалось только шесть рублей, а не нужные семь, пришлось искать в сумке кошелек, который, как назло, куда-то запропастился, а когда Раечка его нашла наконец (он почему-то забился в пакет со спортивной формой), она была уже просто-таки вся в дырках от пронзительных, подозрительных взглядов кондукторши. Вдобавок в кошельке тоже не оказалось мелочи, а только одна сотня. Надо было видеть, какое лицо состроила кондукторша! Можно подумать, Раечка явилась с этой бумажкой в шесть утра, когда и в самом деле ни у кого еще нет сдачи, а не в одиннадцать вечера, когда смена заканчивается и мелких купюр, конечно, полно! Однако эта противная баба набрала аж семьдесят рублей пятаками – из чистой вредности, конечно.

И чем ее так достала Раечка, интересно знать? Как это все одно к одному: если у тебя на душе хреново, то и люди вокруг непременно норовят туда еще и соли с перцем подсыпать, еще и уксусу подлить.

А Димка... Почему он так быстро сбежал? Как будто дожидаться не мог, когда Раечка уедет, исчезнет. Да неужели, неужели он так обиделся на «мудака»?! Ну разве это возможно на такую ерунду обижаться? Или... или вдруг права та зануда, та вешалка Алена?

Что же делать, что же теперь делать? Извиниться, что ли? Ой, нет, Раечка никогда ни перед кем не извинялась, вот еще не хватало! Только себя зря унижать...

Она расстегнула сумку и достала мобильник. Как было бы классно, если бы сейчас раздался перезвон и на дисплее высветилось: «Димка звонит...» Но нет – телефон молчит, дисплей темный.

Раечка вздохнула и нажала кнопку быстрого вызова, под которой был зашифрован Димкин телефон.

Нет, она не станет извиняться. Она просто скажет, что...

– Аппарат абонента выключен или временно недоступен.

Почудилось или в самом деле электронный голос прозвучал довольно-таки злорадно? Голос, кстати, женский, как и все электронные голоса. А почему? Это уже дискриминация по половому признаку!

Может, Раечка ошиблась номером? Или не на ту кнопку нажала?

Снова позвонила.

– Аппарат абонента выключен или временно недоступен.

И телефон уже отключил! Ну и ну!..

Что-то совсем плохи дела.

Раечка с трудом удержалась, чтобы не грохнуть мобильником о металлическую спинку сиденья, хотя бедняга сотовый был, конечно, совершенно ни при чем.

Ни при чем. Ни при чем...

А если теперь так всегда будет: абонент недоступен? Этот абонент, до которого, кажется, до одного-единственного на свете ей нужно, ей просто необходимо дозвониться?!

Она тупо посмотрела на дисплей, потом нажала еще одну кнопку быстрого вызова. Под ней был зашифрован номер телефона отца.

* * *

Алена соскочила с подножки трамвая и торопливо обежала вагон. Нет вопроса, она примчалась вовремя, но само ощущение, что может опоздать, было невыносимым. Занудная Дева по гороскопу, Алена была пунктуальна до тошноты, и если бы ей кто-то предложил назвать слоган, определяющий ее собственную жизнь, она, конечно, первым делом выпалила бы: «Точность – вежливость королей». Потом, немножко подумав, добавила бы еще: «Нет предела совершенству». Но совершенство – некая всеобъемлющая величина, в которую входит и точность. Поэтому свою и чужую непунктуальность она всегда воспринимала болезненно. Но медлительный, осторожный трамвай... и невероятный затор на спуске от кремля... и «Газель», которая забуксовала именно поперек путей... Стихия, явление природы, форсмажорные обстоятельства! Слава богу, что Алена все же успела на эту встречу вовремя. Впрочем, ничего не сделалось бы с Саблиным, если бы ему пришлось немного подождать. Тем паче, что, по большому счету, она ему нужнее, чем он ей...

Ну да, убеждай себя, что тебе не нужен человек, готовый выложить за сухую синекуру пять тысяч евро!

Иваном Антоновичем Саблиным, как выяснилось в конце телефонного разговора, звали того самого Шона Бина, который заказал нашей писательнице роман и потребовал с нею встретиться, чтобы немедленно начать «давать интервью». Невозможно же собрать материал для будущего романа по телефону. Надо повидаться – всенепременно!

Итак, она спешила повидаться с заказчиком.

Алена перебежала дорогу и споткнулась, вспомнив, что забыла диктофон. Нет, ну надо же! Отчетливо помнила, как приготовила его, зарядила кассетой и пошла искать запасную, а диктофон положила на подлокотник дивана. Но в эту минуту позвонили из издательства с просьбой снять вопросы корректоров, и разговор затянулся так, что Алена потом про все на свете забыла и думала только об одном – не опоздать на встречу с Саблиным. Ну вот придется по старинке черкать перышком в блокноте, а она-то хотела этак небрежно, по-деловому... Ну что ж, растяпа – она и в Африке растяпа!

Алена сердито потопала ногами на тротуаре, сбивая налипший на сапоги снег.

Огляделась. Что-то здесь было не так, на этом хорошо знакомом ей пяточке перед рестораном «Барбарис», где они уговорились встретиться с Саблиным...

Рестораном «Барбарис» владела супружеская пара Журавлевых: Валерий Андреевич и Жанна. При том, что Журавлев был гораздо младше Алены, называть его можно было только по имени-отчеству с этой его великосветской сдержанностью и затаенной надменностью (очень симпатичной Алене, у которой высокомерие было, по большому счету, стержнем натуры) и внешностью то ли испанского гранда, то ли итальянского мафиози, еще не решившего: завязать с преступным прошлым или нет. Жанна Журавлева, известная в городе шоуумен, была приятельница, можно сказать, подруга Алены. По этой причине (и еще по одной, о которой, возможно, будет упомянуто ниже, а возможно, и не будет!) Алена бывала в «Барбарисе» и около него довольно часто и привыкла, что на пяточке стоянки всегда толклось немалое число иномарок, да каких!.. Нынче же здесь имели место быть только две машины: черный «мерс» и черный же «бумер» (может быть, тот самый, знаменитый, из песни), казавшийся еще чернее с этими его тонированными стеклами.

Над рулевым колесом «Мерседеса» качалась забавная темно-серая киска. Алена усмехнулась. Ясно – это автомобиль Жанны. Киска – уменьшенная копия ее серого, толстенного, вальяжного кота Шульца. А у «бумера» ничего такого веселенького не качается над рулем, зато номер у него с тремя восьмерками. Бывает же такое! Причем совсем не столь уж редко. Однажды Алена вечером проходила мимо миленького кафе «Хамелеон», что на улице Алексеевской, и случайно обратила внимание на скопище необычных машин. Их было не меньше десятка. У всех – от дорожных до самых непрезентабельных – номера непременно состояли из трех восьмерок. Естественно, буквы вокруг этих цифр были разные, но все равно создавалось впечатление, что здесь проходил нижегородский съезд трехвосьмерочников. Конечно, Алена не помнила, был ли среди них вот этот черный «бумер», однако он имел на это полное право. Не на нем ли приехал господин Саблин Иван Антонович на встречу с писательницей Аленой Дмитриевой?

Ну что ж, вполне достойная машинка.

Алена уже взялась было за ручку двери «Барбариса», да и ахнула. Секунду! А куда подевались разноцветные хрустальные гроздь-фонари, украшавшие вход? Украли? Разбили?

Вандалы! Варвары!

Она рванула на себя дверь – и нос к носу столкнулась с Жанной.

– Что такое? – нахмурилась Жанна. – Что случилось?

Алена сообразила, что вся гамма чувств – от растерянности до ярости на вандалов и варваров – отражена на ее лице. И Жанна, конечно, приняла это на свой счет.

– Ой, извините, – хихикнула Алена (приятельницы-подруги были на «вы»... впрочем, Алена вообще со всеми была на «вы», такая уж она у нас вежливая девочка постбальзаковского возраста оказалась). – Но фонари?.. Где ваши шикарные фонари?

– А, мы сняли их, – махнула рукой Жанна. – Опасно: вдруг какой-нибудь не в меру ретивый работника шибанет кулем с цементом или рулоном линолеума.

– То есть?

– О господи, Алена, у нас ремонт, – сердито сказала Жанна, выходя из двери и, против обыкновения, не зазывая Алену радушно в ресторан, а, наоборот, вытесняя ее вон. Жанна была, как всегда, стремительно-энергично-обворожительна в этой своей фартовой курточке, отделанной оранжевой норкой, в такой же шапочке, да и сама рыжеволосая. Ну просто пламень, а не женщина! – Мы еще неделю назад закрылись. Разве я вам не говорила? А Игорь? Разве он вам не рассказывал?

В зеленых глазах мелькнуло что-то еще, кроме деловитости и озабоченности. Или Алене просто померещилось это? Ну да, рыльце-то у нее в пушку! С Игорем, одним из танцоров Жаннинного шоу, у Алены (вот она, вторая причина ее частых визитов в «Барбарис»)

тайный роман. То есть они оба так полагают, что связь двадцатипятилетнего красавца и красавицы постбальзаковского, как уже было сказано, возраста – это их красивая маленькая тайна. Но Жанна – она ведь все знает, все видит. Высоко сижу, далеко гляжу! Игорь – ее любимый ученик, они очень дружны. К тому же Жанна прекрасно знала, с каким обожанием Алена всегда относилась к Игорю, как, выражаясь языком старинных романов, вожделела его, алкала его любви, какими кругами рыскала вокруг него и какие самые дурацкие маневры предпринимала для того, чтобы заполучить его в свою постель. И хотя Жанна стала невольной свидетельницей их первого поцелуя (а также практически весь персонал «Барбариса», имевший возможность онный поцелуй понаблюдать как воочию, так и на экранах камер охранного наблюдения), она, предполагается, до сих пор не знает, сколь далеко зашли отношения влюбленной писательницы и обворожительного Игоря. Конечно, Жанне, жизненный слоган которой: «Хочу все знать!», точнее, «Хочу все про всех знать!» – ужасно любопытно, как там и что. Но из Игоря слова клещами не вытянешь, это такой партизан! Он и под пыткой молчать будет о своих отношениях с женщиной – тем паче с женщиной, которая ему, можно сказать, годится в...

Ладно, замнем для ясности.

То есть, очень может статься, Жанна упомянула Игоря для того, чтобы Алена проговорила: да, мол, он про этот ремонт упоминал – в постели, после жарких объятий не далее как неделю назад... Но штука в том, что ни неделю, ни две, ни даже три назад Игорь в постели своей тайной любовницы не возникал. Как-то так... не получались встречи. То он занят репетициями или выступлениями, то Алена с пеной у рта дописывает очередной романчик, заканчивая его, по обыкновению, за час до отправления поезда, на котором нужно ехать в Москву, чтобы представить этот романчик в издательство, взамен получив некий денежный эквивалент, совершенно, само собой разумеется, несоизмеримый с гениальностью одного романчика, но все же... ладно, не будем гневить небеса, дай бог здоровья издательству «Глобус» и его руководству, а также редакции художественной литературы, корректорам, художникам... и иже с ними!

Короче, с Игорем они давно не виделись. Он что-то не звонит, она ему – тоже. Если бы встретиться с ним случайно, она бы все сразу поняла и, может быть, смогла бы вернуть ускользающее, но пока что случайности работают против этой страстной, этой безумной – этой последней! – любви Алены... Так вот, очень может статься, Жанна (ох и тонкая штучка, надобно сказать!) обо всем этом каким-то образом прознала. И, как водится между приятельницами, а тем паче подругами, спешит посыпать солью Алены сердечные раны...

Солью, ох если бы! Женщины – это такие бяки! Они ведь и яду в чаек приятельнице-писательнице подсыпать могут...

Ох приятельница ты, ох писательница! Твоя склонность к самоедству в сочетании с маниакально-депрессивным психозом, патологической недоверчивостью ко всем женщинам, которые моложе, умнее и красивее тебя (а Жанна проходит по всем трем параметрам!), когда-нибудь приведет тебя к такой мизантропии, спасение от которой ты сможешь найти только на необитаемом острове.

Оказаться на необитаемом острове вдвоем с Игорем... И ни одной – НИ ОДНОЙ! – женщины в поле его зрения, кроме Алены... Ни мамы, ни Жанны, ни какой-нибудь там легкокрылой бабочки, которые полчищами слетаются на манящий огонь его невероятных глаз, не ведая, что это всего лишь бенгальский огонь!

Однако и на этом холодном огне можно очень крепко обгореть, что и произошло, например, с Аленой Дмитриевой.

Впрочем, пауза что-то затянулась. Столь долгое молчание становится подозрительным. Что же сказать Жанне?..

Так и не найдясь, Алена лишь послала ей многозначительную улыбку, зачем-то подмигнула (а, понимай, как знаешь!) и спросила:

– А с чего вдруг ремонт затеяли? И почему сейчас? До Нового года всего ничего! Успеве?

– Ой, не знаю! – с досадой воскликнула Жанна. – Что-то там с канализацией. Вдруг стало затапливать всякой гадостью туалет и кухню. И крысы откуда ни возьмись полезли... Ужасно, бр-р! Санэпидстанция стоит на ушах, сами понимаете. И никакие – хм, хм! – вспомоществования не помогают. Говорят, всю сантехнику надо теперь менять, полы снимать, стены долбить... Короче, полный абзац. Нашли мы одну лихую фирму, тамошние ребята клянутся, что будут работать с семи утра до девяти вечера, а за две недели нам все устроят. Нет худа без добра, конечно: мне наш интерьер уже порядком осточертел. Новый год, новый интерьер, я в новом платье – мечта!

– Ну так-то оно так, – уныло кивнула Алена, мигом вообразив себе это Жаннино платье и то, как она будет в этом платье выглядеть – уже заранее от зависти с ума сойти можно! – А что, у вас посетителей больше нет? А то у меня тут деловая встреча была назначена.

Она попыталась заглянуть через Жаннино плечо в зал.

– Какие посетители, вы что, там все перекурочено! – засмеялась та. – Одно хорошо: мальчишки от выступлений отдохнут, мы новую программу спокойно подготовим к Новому году. Правда, Андрей с Игорем и нашим диджеем Темиком будут тут дежурить сутки через двое, сторожить добро, но будем подгадывать тренировки на те дни, когда Игорь и Андрей, танцоры мои, оба свободны.

– Игорь... – Алена вдруг охрипла. – В смысле, Игорь и Андрей тут будут сторожить? Но... холодно и...

– И голодно! – страдальчески продолжила Жанна. – Холодно и голодно! И жутко скучно, только и развлечений, что по крысам из мелкашки стрелять. Одна только надежда, что какая-нибудь добренькая самаритяночка завтра вечером навестит бедного черноглазого сторожа, накормит, обогреет, приласкает...

Забавно. Дежурить будут трое, однако Жанна сейчас упомянула только про одного «бедного сторожа», конкретно черноглазого... того, который окажется здесь завтра...

– Жанна, – задумчиво сказала Алена, – я вас обожаю!

– Взаимно, – фыркнула приятельница... а может, все-таки и в самом деле подруга? Не исключено: если она когда-нибудь и подсыплет Алене в кофеек чайную ложечку – с верхом! – яду, то немедленно предложит и антидот!

Жанна загадочно усмехнулась, словно прочла писательницыны мысли, но тут же лицо ее стало озабоченным.

– Алена, вы, ради бога, извините, но я ужасно спешу. Должна ехать. У меня тоже деловая встреча – аж в Сормове, так что, простите, я вас даже подвезти домой не могу.

– Спасибо, спасибо, не надо, – замотала головой Алена. – Я подожду своего... свою знакомую.

Знакомую, ага. Сейчас Саблин как выскочит, как выпрыгнет откуда ни возьмись! И Жанна сразу поймет, что Алена вульгарно соврала.

Зачем соврала, кстати? Что, побоялась, вдруг Жанна да ляпнет Игорю: твоя-де писательница сегодня встречалась в «Барбарисе» с каким-то мэном, смотри, а то уведут ее у тебя!

Ой, не все ли равно Игорю, с кем и где Алена встречается? И, может, он вообще спит и видит, чтобы чрезмерно влюбленную писательницу кто-нибудь от него увел?

Ладно, прочь негатив! Вот завтра «добренькая самаритяночка» навестит бедного черноглазого сторожа – и, бог даст...

Даст? Или не даст? Дай нам, боже, чуть побольше счастья и любви!

Однако Жанна уже уехала, Саблин вполне может высказывать и выпрыгивать, а его нет как нет.

Алена сердито посмотрела на черный трехвосьмерочный «бумер». Видимо, эта классная машина не имеет к заказчику романа никакого отношения. А жаль.

Между тем совсем стемнело.

Что же могло стрястись? Почему Саблина нет? И он не оставил Алене своего телефона, никакой обратной связи между ними нет. Придется ждать.

А между прочим, холодно, господа. Очень холодно! Может, перебежать дорогу, устроиться в магазине напротив? И если Саблин появится, сразу выбежать...

Секундочку! Если Саблин появится, да? А как ты узнаешь, что это именно он? Шон Бин Шоном Бином, однако вдруг Саблин не так уж сильно похож на него, как хотелось бы Алене?

Черт... она как чувствовала что-то в этом роде, спросила его по телефону, когда они уговаривались о встрече:

– А как я вас узнаю?

– Да я вас сам узнаю, – хмыкнул Саблин. – Я сам к вам подойду.

Увы, придется мерзнуть...

Уже пришлось.

Спустя десять минут интенсивного перетаптывания с ноги на ногу Алена почти зарыдала от холода. Штука в том, что, готовясь сидеть в теплом «Барбарисе», где даже полы с подогревом (вернее, были полы с подогревом, черт возьми, раньше были, до того, как их переломали!), она не надела носки, а тоненькие колготки не создавали даже иллюзии тепла. Вдобавок начал идти снег, и враз задуло со всех сторон.

Нет, это больше невыносимо терпеть! Надо хоть на минуточку забежать погреться. Из вон той застекленной двери она увидит, если кто-то подойдет к «Барбарису», и успеет выскочить. Если это окажется Саблин – очень хорошо. Нет – ну что ж, Алена вернется на свой наблюдательный пункт.

Меленько перебирая замерзшими ножками, она влетела в магазин и даже дышать перестала от наслаждения. Внезапно что-то ударило, загрохотало, разразилось каскадом самых разнообразных звуков.

Алена в ужасе оглянулась. О господи, да ведь она стоит рядом с часовым отделом, и сейчас все часы, развешанные на стене и стоящие на витрине, начали отбивать время. Половина шестого. Каждый час били всего лишь по разу, а шуму-то содеяли, а грому, а звону!

Можно себе представить, что здесь творится, к примеру, в полночь или в полдень!

Алена вспомнила, как минувшим летом побывала во Франции, в прелестной деревушке Мулен-о-Тоннеруа. Между прочим, в этом очаровательном уголке Бургундии у нее чуть не случились одновременно два романа сразу с двумя представителями более чем романтической профессии: киллерами (или киллйрами, как сказали бы французы)². Но это к делу не относится, все равно ведь романов не свершилось. Однако в этом самом Мулене старые часы на церковной колокольне в семь часов отбивали девять раз. Увы, далеко не так мелодично, но до чего таинственно!..

Алена скользнула взглядом по витрине, заполненной невероятным количеством наручных часов, – и вдруг нахмурилась.

Эт-то еще что? Квадратные, плоские, с необыкновенно красивым циферблатом часы. «Ориент»! Точно такие же, какие она дарила Игорю на двадцатипятилетие. Он их носит не снимая, нравятся они ему до ужаса, любит повторять, что таких нет ни у кого и нигде, а Алена в ответ уверяет, что это *ему* нигде нет никого подобного!

Почему-то ужасно неприятно обнаружить вторые такие же часы. И, главное, в магазине напротив «Барбариса»! Наверняка Игорь здесь не раз бывал, может быть, видел этот «Ориент»...

² Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом».

Казалось бы, что тут такого? Но у Алены вдруг испортилось настроение.

Господи, ну почему он вот так пропал бесследно, почему не звонит, не появляется? Почему ей надо изображать эту самую «добренькую самаритяночку», чтобы увидеть его, почему она должна идти на какие-то дурацкие, унижительные уловки? Почему он и пальцем не пошевелит, чтобы встретиться с Аленой?

Хотя, с другой стороны, тут нужно не пальцем шевелить, а скорее – ногой... и даже не одной, чтобы прийти к ней в гости. Это во-первых. А во-вторых, если тебя унижают эти самые «дурацкие уловки», так и не унижайся. Обходилась ты всю жизнь без Игоря, ну и впредь сможешь обойтись!

Нет, в том-то и дело, что не сможешь. Ты любишь его, он стал смыслом твоего существования. Поэтому будь проще, расслабься и получай удовольствие даже от своего унижения. Это единственный способ сохранить чувство собственного достоинства, которым ты так дорожишь.

Черт, черт, черт, ну где этот несчастный Саблин?! Вообще-то, мог бы позвонить, предупредить, что не придет, ведь Алена убежала впритык, за полчаса до randevu! Больно охота коченеть тут!

В магазине было, конечно, тепло, но Алена слишком перемерзла и никак не могла отойти от дрожи. Коленки огнем горели, пальцы ломило.

Какой смысл назначать встречу, на которую заведомо не можешь прийти?! Что за хамство – вырвать девушку из дому, зачем?!

«Зачем? – словно бы хихикнул кто-то негромко, но ехидно в ее голове. – А как ты думаешь? Зачем людей удаляют под самыми нелепыми предлогами из дому?»

Алена узнала это хихиканье. Оно принадлежало ее собственному внутреннему голосу по имени Елена Дмитриевна Ярушкина. Эта занудная особа по большей части помалкивала, но в самые неподходящие минуты ею вдруг овладевала такая страсть изрекать прописные истины и задавать риторические вопросы...

Правда, иногда она говорила очень дельные, очень резонные вещи!

И вот сейчас, прислушавшись к резонам Елены Дмитриевны, Алена вдруг ахнула и кинулась вон из магазина, чтобы успеть на маршрутку или на автобус и как можно скорее оказаться дома, в своей квартире, которую она так опрометчиво нынче бросила!

А в это время, очень может быть, Саблин... который, конечно, никакой не Саблин...

Правда, уходя из дому, Алена включила сигнализацию, однако что такое сигнализация для умелых рук?!

Скорее домой!

Очень вовремя возник трамвай, так что след нашей писательницы на улице Рождественской моментально простыл.

Тогда человек, устроившийся на заднем сиденье трехвосьмерочного «БМВ» и доселе незримый за тонированными стеклами, достал мобильный телефон и набрал некий номер.

– Понеслась душа в рай! – усмехнулся он, когда ему ответили. – Ох, и умора!

* * *

– Ну, и чего ты еще ждешь, дитя мое? – ласково прошептала Моська.

Димка зыркнул на нее исподлобья, но ничего не ответил, только внутренне передернулся. Видел он в жизни уродин, но такую...

– Молчи-ишь, мальчиш? – шепнула Моська. – А ты не молчи. Поговори со мной. Поговори со мною, или... или, может, ты хочешь поговорить с Гномом?

Голос ее зазвучал еще ласковее, еще приветливее, однако во рту у Димки вдруг появился железистый привкус. Он и с Моськой-то не хотел говорить, но если дойдет до Гнома, то это

будет все. Кранты. Полный писец. Можно копить денежки на венок с черными лентами для Димки Лямина. А лучше вообще сразу забыть, что он жил когда-то на свете. Глупый, неосторожный, заносчивый пацан, который возомнил себя человеком. Рано возомнил!

И смерть его, конечно, будет какой-нибудь нечеловечески гнусной. Оскорбительной. Поганой и постыдной. Говорят, Гном расправляется с людьми как-то особенно ужасно...

– Нет, я не понимаю, какие проблемы? – спросила Моська все с тем же своим стервозным добродушием. – Путь практически свободен. Мы все устроили как надо. Их там будет трое. Причем не кучей, а по одному. Неужели ты не справишься с каким-то задохликом-сторожем? Всего с одним! Они же плясуны! Дергунчики! Какая в них сила? Только ноги задирать умеют да глазками стрелять. Глазки – это не страшно, это чепуха. Оружия им не дают, это же не военная охрана. Пневматическая винтовочка, с такой только на крыс охотиться, другого проку от нее нет. А у тебя есть ствол. Я точно знаю, что есть. «Беретта» – она, конечно, не бог весть что, но вполне убойна.

У Димки во рту стало еще противней. «Беретту» ему раздобыл Вадик Мельников. Бывший одноклассник из Дзержинска, друг, можно сказать, жизни. Неужели Вадик сдал его Моське, а значит, Гному?!

Да что ж, он и в самом деле везде, этот Гном? Все знает, все им прикармлины, даже задушевные друзья? И нет от него спасенья?

– Короче, так, дитя мое, – до тошноты нежно изрек Моська. – Выбирай, который из этих ребят тебе больше нравится, вернее, не нравится, – и... работай! Ладно, так и быть, разрешаю не убивать его до смерти. Только если он тебя увидит и останется риск, что сможет узнать... Этого нам не надо, ты сам понимаешь. Ни нам, ни тебе. Если засветишься...

– Не пугай меня, – перебил ее Димка.

Он от души надеялся, что голос его звучит дерзко и гордо, но на самом-то деле знал: какая там дерзость, какая гордость! Голосишко дрожит, и это никакое не требование, а робкая мольба: мол, пожалей меня, медведь, не пугай, я ведь помру со страху-то, а живой останусь – может, тебе еще пригожусь.

Конечно, Моська все это моментально просекла.

– Не пугай, мы и так пуганые? – тихонечко усмехнулась она. – Да ладно, брось. Всегда кто-то делает это в первый раз, я тоже... не помню, правда, когда и кого, но был же этот первый раз, не всегда ж я жмуриков десятками исчисляла. Поэтому прими добрый совет: если тебя эта штука не влечет – видеть, как у человека в последний раз *останавливаются глаза*, – лучше стреляй в него сзади. И нет проблем. Ну а потом сам решишь: бежать в неизвестном направлении с криком ужаса – или контрольный выстрел делать. Как говорится, другой альтернативы нет! Поэтому, как специалист, я тебе советую: зайти в кабак, чтобы тебя сторож не увидел, пулнуть ему в спину, сделать дело – и уйти тихо и незаметно. Там такой содом и гоморру развели, в том кабаке, что твоих следов никто и никогда не найдет, понял? Беспокоиться вообще не о чем. Созданы наилучшие условия для работы. Теперь все зависит только от тебя, поэтому я умоляю, деточка, ты не тяни, не тяни! Договорились?

Димка кивнул.

А что ему еще оставалось?

У Моськи были тяжелые, набрякшие веки, глаза между которыми даже не виднелись, а так себе – темно мелькали, словно вдруг дырки какие-то открывались, и когда она вот так, мельком, взглядывала, Димку передергивало уже не от страха, а от отвращения. Удивительно, ну что в этой бабе такого отвратительного? Конечно, она не шибко молодая, далеко за сороковник, наверное: вон как щеки обвисли, под темными, мрачными глазами мешки, веки эти морщинистые... Ну и что, видел он дамочек не первой молодости, на которых не просто приятно посмотреть, но даже приятно представить их в своей постели. А эта...

В самом деле, у нее что-то собачье в лице есть. Правда что – моська. Нет, прозвище ей не слишком подходит, моська – собачка хоть и скандальная, но не злая, а это не женщина, это бульдог с тяжелыми, хваткими челюстями.

Вот только собаки лают, а Моська всегда говорит тихо-тихо, почти шепчет. Словно змея шипит.

А еще чудится, от нее смрад исходит какой-то, хотя пахнет хорошими духами. Слишком сладкие они, тяжелые, как будто металлические, но, чувствуется, дорогие. И все-таки к этому запаху словно что-то такое примешивается... ужасное, пугающее, омерзительное.

Или это мерещится Димке потому, что он знает: Моська – ближайшая помощница Гнома? Доверенное лицо, так сказать! Слава Гнома – страшная слава. Ну и на Моське как бы тень его лежит. Хотя она и сама по себе та еще тварь! Страшное дело... Кто-то говорил Димке, что Гном сам никого не убивает, потому что у него есть Моська. Да ведь она и сама не скрывает, что руки у нее по локоть в крови.

– Не слышу ответа! – требовательно прошипела Моська, и Димка послушно повторил:

– Договорились, конечно, ну что ты, Моська? Я все сделаю, как надо.

Моська улыбнулась, и Димка ощутил, как от этой улыбки у него по спине проползла ледяная струйка пота.

Ох, ну и рожа у нее! Ну и страшила она!

* * *

Едва выскочив из трамвая, Алена позвонила по мобильному на пульт охраны:

– Здрасьте, это Ярушкина. Скажите, у меня все в порядке?

– Сейчас да, – ответила дежурная.

– Сейчас? – обморочно повторила Алена. – А что было?! Взлом?!

– Ничего особенного, просто небольшая авария на линии около вашего дома. Отключение электроэнергии, а значит, отключение сигнализации. Да минут пятнадцать всего и прошло. Туда немедленно отправилась тревожная группа. Дежурят в вашей квартире, ждут, когда вы придете или свет дадут.

– А почему мне не позвонили на мобильный?

– Как не позвонили? Позвонили мы вам! – обиделась дежурная. – Но у вас аппарат то ли выключен, то ли находится вне зоны действия сети.

Вот черт бы побрал эту Рождественскую улицу, а? Там почему-то ужасная связь, наверное, из-за того, что с одной стороны Дятловы горы, с другой – высокие дома, отгораживающие Рождественку от Волги. По жизни в «Барбарисе» сотовая связь была омерзительной, тем более если снег шел или дождь.

– Вы возвращаетесь, что ли? – спросила дежурная. – Ну, как вернетесь домой, отпустите нашу бригаду и позвоните на пульт.

– Да, конечно, хорошо.

Ой, слава богу! Даже если Саблин, который не Саблин, а неизвестно кто, и задумал таким гнусным и коварным образом удалить Алену из квартиры и проникнуть туда, ему это не удалось! Наша милиция, честь и хвала ей, нас бережет. Видимо, несмотря на то, что Алена порядком достала-таки отдел охраны своими ложными вызовами, они не держат на нее зла и свято исполняют свой долг.

Беспокойство немного отпустило, но она все равно летела со всех ног, чтобы поскорей увидеть своих ангелов-хранителей.

Вышеназванные обнаружили не в квартире Алены, а на улице: они сидели в дежурной «Волге», приткнувшейся к крылечку, и упоенно разгадывали кроссворд из «Комсомолки».

– Вернулись, Елена Дмитриевна? – спросил знакомый Алене круглолицый белобрысый охранник (Славик его звали, если она не путала), глядя затуманенными от интеллектуального напряжения глазами. – Тогда мы поехали. Тут у вас была авария какая-то с электричеством. А вы не знаете, что за слово на букву «ф» – биологически активные вещества, имеющие сигнальное значение и выделяемые специальными железами животных в окружающую среду в очень малых количествах?

– Что-что? – не поняла Алена.

– Биологически активные вещества, имеющие сигнальное значение и выделяемые специальными железами животных в окружающую среду в очень малых количествах, – с выражением прочитал Славик. – На букву «ф».

– Фитонциды? – навскидку выпалила Алена и, с опаской косясь на темные окна дома, спросила: – А какая авария-то?

– Да бес его знает, что-то со светом, на кабельных сетях ничего не знают еще, – пожал плечами охранник, не отрываясь от газеты. – Нет, не фитонциды, слово короче, из восьми букв должно быть. И тут «р» в середине получается, потому что праздничное военизированное мероприятие – это парад.

– Да, наверное, парад, – протянула задумчиво Алена, и тут же они со Славиком в один голос изумленно воскликнули:

– О! Ну надо же! Вот чудеса!

И впрямь – это было похоже на чудо: над крыльцом вспыхнул фонарь, засветились окна подъезда и кое-каких квартир.

– Да будет свет, сказал монтер и перерезал провода, – заулыбался дежурный, сворачивая измятую «Комсомолку» с неразгаданными биологически активными веществами на букву «ф». – Служба окончена. Тогда поехали, что ли?

– Мерси, что покараулили, ребята, – душевно проговорила Алена. – Большое человеческое спасибо! Штраф будем сегодня выписывать?

– Сегодня нет, – с видимым сожалением покачал головой старший наряда. – А что-то давно мы его не выписывали, да, Славик?

– Пора, пора бы нарушить, Елена Дмитриевна! – кивнул тот. – Давненько мы к вам не врывались!

– Ну, если вы так просите, я нарушу буквально на днях, – заиграла глазами Алена, которой, в принципе, было без разницы, где, с кем и когда кокетничать.

– Договорились!

«Волга» принялась разворачиваться, неуклюже переваливаясь в пышных сугробах, а Алена, помахав дежурным на прощание, вошла в подъезд, как всегда, чуть не сломав пальцы на кнопках кодового замка.

Кнопки эти, как и ручка замка, и впрямь были ужасно тугими, неудобными. Сколько раз Игорь приходил к Алене, шутливо постанывая и жалобно выставляя скрюченные пальцы, которые якобы переломал, открывая замок, даже пуговицы расстегнуть не может! Ну, она расстегивала пуговицы – сначала на его куртке, потом на рубашке, потом – «молнию» на джинсах, потом...

Игорь, Игорь, Игорь!

Как всегда, при одном только воспоминании о запахе любимого тела, о жаркой впадинке между шеей и плечом, о прохладной, шелково-мраморной груди, о железных тисках неутомимых ног, о неразборчивом, исступленном шепоте в самые горячие минуты, Алена теряла голову, начинала задыхаться – и слабо соображала, что делает. Рывками поворачивая ключи, открыла замки, задвинула щеколду и выхватила из-под шубки мобильный телефон, чтобы, забыв о гордости и осторожности, сейчас же, немедленно позвонить Игорю и в стотысячный раз сообщить ему то, что он и так давно и, увы, слишком хорошо знал.

Знать-то он, конечно, знал, но...

Алену остановило назойливое тиканье. Ах, господи ты боже мой, это сигнализация включилась! Кажется, сейчас она исполнит свое обещание, данное стражам порядка, и снова нарвется на штраф! Надо быстро позвонить на пульт.

Дошла до аппарата, который стоял на кухне, набрала номер:

– Это Ярушкина. Снимите охрану, пожалуйста.

– Хорошо.

Звонкий щелчок, означающий, что охрана на пульте отключена.

Алена попила воды, повесила шубку в шкаф, сбросила сапоги, надела тапочки и пошла было в комнату, на ходу вызывая на мобильнике номер Игоря, как вдруг свет в коридоре погас.

В следующее мгновение из темноты протянулось что-то, показавшееся подвижным сгустком этой темноты, вцепилось в мобильный телефон, по-прежнему висевший на шее Алены, и выключило его. Но в последних всплесках света, исходящих от дисплея, она успела увидеть, что это мужская рука: крупная, с длинными костлявыми пальцами рука с кустиками волосков на фалангах!.. Потом дисплей погас.

– Тихо, – раздался негромкий, мягкий, словно ночная темнота, голос. – Тихо, Елена Дмитриевна. Не бойтесь, это я, Саблин.

Алена прижала руки ко рту. Она не крик давила – она перепугалась так, что желудок к горлу подкатил. Сейчас как вырвет... Что за унижение перед этой мягко говорящей тьмой, у которой такие длинные, цепкие пальцы... эти волоски... Чудилось, ничего ужасней она в жизни не видела!

Она закашлялась, коротко, судорожно сглатывая.

– Да ладно, не дергайтесь, – с легкой усмешкой сказала тьма. – Ну чего вы так перепугались, а?

И тьма сделала попытку взять Алену под руку, но это заставило ее взвизгнуть и ринуться в комнату. Больно ударилась о кресло, споткнулась, ковер скользнул под ногой, Алена рухнула на диван, вцепилась в подушку, прижала ее к животу, как щит...

Если заорать, услышит сосед из другого подъезда, Сан Саныч: стенки в доме никакие, даром что «сталинка». Весной Сан Саныч имел случай убедиться, что у его соседки в квартире чего только не происходит! Покушались то на хозяйку, то на ее гостей...³ Поэтому сосед сочтет вопли о помощи продолжением прошлого детектива и, безусловно, придет на помощь.

Если он дома, конечно... Но даже если дома, пока-а он еще прибежит. К тому же деликатный Сан Саныч отнюдь не вышибет дверь одним ударом – сначала он будет ломиться в дверь, стучать, суетливо вопрошать:

– Алена, что с вами?

Потом, не дождавшись ответа, Сан Саныч примется звонить пренеприятнейшему человеку – Льву Муравьеву, своему закадычному приятелю и бывшему однокласснику, начальнику следственного отдела городского УВД, тоже одному из активнейших участников майского детектива. Этот Лев Муравьев, к слову сказать, Алену Дмитриеву терпеть не может. Чувства эти взаимны. Муравьев наверняка скажет, что писательница с ее закидонами ему жутко надоела, так что пусть сама разбирается со своими проблемами. Конечно, Сан Саныч в конце концов убедит его проявить милосердие и прийти на помощь, но неизвестно, что к тому времени успеет сделать с горемычной писательницей агрессивная тьма...

Стоп. Алена была, разумеется, еще та паникерша, однако все же невозможно сделать своей профессией сочинение детективов и не обладать при этом хоть толикой логики. Вот такую усенькой толикой, однако в данном случае хватило и ее.

³ Об этой истории можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Крутой мэн и железная леди».

Если бы этот человек с костлявыми волосатыми пальцами хотел «сделать неизвестно что», он бы уже сделал это. Однако он не накидывается на Алёну, а ведет себя довольно-таки корректно. Даже сделал попытку ее под ручку подхватить, и не его вина, что она начала шарахаться из стороны в сторону, коленку вон зашибла, а коленку эту надо бы беречь, она и так многожды травмирована, на этой правой коленке у Алёны даже случился бурсит три года назад... Гадость ужасная, и, если бурсит вернется, придется сделать перерыв и в шейпинге, и в танцах... Ой, нет!

Так. Если пошли воспоминания о шейпинге и танцах, значит, пациент скорее жив, чем мертв! Эти мысли словно бы протоптали в мозгу Алёны тропку для здравого смысла.

И заодно по этой тропке до нее доехало одно слово, которое, конечно, было произнесено для того, чтобы успокоить ее, но сначала потонуло в пучине паники. Это слово было – Саблин.

Саблин! Ее, так сказать, гипотетический работодатель! А, черт бы тебя подрал...

– Вы – Саблин? – выдохнула она, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал жалобно и предательски, а звучал ну как минимум с возмущением. – Что все это значит? Что вы делаете в моей квартире? Почему темно? Как вы сюда попали? Почему не пришли на встречу?

– Угадайте с трех раз, – хмыкнул Саблин. – Больно надо, чтоб вы меня видели! Сами не доезжаете? Мне ваша работа нужна, а не наш душевный треп. Нижний наш – всего лишь большая деревня, а то вы сами этого не знаете. Мало ли где жизнь нас сведет. Сплю и вижу, чтоб вы ко мне на шею с поцелуями кидались!

Саблин, похоже, был столь доволен своим остроумием, что даже хихикнул и издал какое-то странное, удовлетворенное сипение.

Ну а Алёна от возмущения на какие-то мгновения потеряла дар речи. Нервно отбросила подушку, но тотчас пожалела об этом, потому что очень захотелось швырнуть ею в Саблина. Зашарила по дивану, но подушка, оказывается, улетела на пол, а вместо нее рука наткнулась на что-то прохладное, небольшое, продолговатое.

Здрате, да это забытый диктофон! Он сполз с подлокотника под плед. Очень удачно лежит... Палец почти рефлекторно нажал на пуск, и Алёна испугалась, что Саблин услышит деликатный щелчок. Однако повезло: именно в это мгновение незванный гость заговорил, причем уже не с теми наглыми, как прежде, а совсем с другими, примирительными интонациями:

– Ладно, ладно, не пыхтите. Я пошутил. Но это только ради вас, честное слово, только ради вашего спокойствия. Слышали небось такую пословицу: меньше знаешь – лучше спишь. Вы все поймете, когда я вам свою жизнь расскажу.

Алёна нахмурилась в темноте. Что-то было не то в этом голосе, в словах, которые он произносил...

Нет, непонятно, что ее зацепило.

– Да я и так уже, кажется, все поняла, – пробурчала Алёна. – Все эти игры с отключением света и сигнализации – ваших рук дело, да? И меня вы нарочно отправили на эту мифическую встречу – еще и самой предложили выбрать место нашего свидания, ну надо же, как предусмотрительно! Если бы я не поговорила с Жанной, я бы могла подумать, что и ремонт в «Барбарисе» вы подстроили!

Саблин помолчал, как если бы пытался понять, о чем это бухтит возмущенная писательница. А она уже не могла остановиться:

– Не понимаю, почему я должна соглашаться на ваше предложение после того, что вы тут учудили!

Молчание, нарушенное тем же сиплым вздохом.

– Да ладно, Елена Дмитриевна, – наконец-то произнес примирительно Саблин. Похоже, слово «ладно» принадлежало к числу его любимых. – Что такого-то? Каждый как может, так и живет. Если я неудобство причинил, напугал вас, то готов помочь материально. То есть это...

ущерб возместить. Сколько вы хотите сверху? Ну, кроме тех пяти тысяч, о которых был уговор? Скажем, две я накину. Согласны, что ли? За ваши хлопоты.

Что? Ей послышалось, что ли? Он предлагает за написание романа не пять, а семь тысяч евро?

Интересное кино!

Конечно, первым побуждением строптивой и гонористой писательницы было чрезвычайно вежливо спросить: «А не пойти ли вам на?..» Однако она промолчала. Две тысячи евро были для нее суммой немаленькой. И вообще, хоть она считала деньги всего лишь средством, а не целью, относилась к ним чрезвычайно легко, тратила запросто (честно говоря, была невестрой транжирой), однако доставались-то они Алене весьма тяжело. Зарабатывала она их, без преувеличения, каторжным трудом. Само собой, этот труд доставлял ей огромное удовольствие, помогал испытать интеллектуальный кайф, не измеримый никаким всемирным эквивалентом, однако... однако, напомним, она была Дева, то есть, при всей своей романтичности с налетом безумия, всегда ощущала под ногами землю-матушку. Не продается вдохновение, но можно рукопись продать. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, а в обществе, основанном на власти денег, не может быть свободы реальной и действительной... Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания!

Насчет проданной рукописи – это Александр Сергеевич Пушкин. Насчет зависимости от денежного мешка – это Владимир Ильич Ленин. Если Алена охотно и ежемесячно продается «денежным мешкам», осуществляющим руководство издательством «Глобус», то следует быть до конца последовательной и хотя бы на время продаться очередному «денежному мешку», который за работу, строго говоря, совершенно никакую предлагает ей эквивалент несоизмеримо больший! А что до унижения и страха, которое тебе привелось испытать по милости этого самого Саблина... Призови на помощь свою пресловутую Девью практичность и постарайся в будущем использовать эту совершенно детективную ситуацию в каком-нибудь романчике. Таким образом, как справедливо выразился господин Саблин (или как его там) в их телефонном разговоре, и овцы будут сыты, и волки целы!

При воспоминании об этом телефонном разговоре снова что-то такое мелькнуло в Аленыной голове, какая-то мысль... но она вот именно что мелькнула, тотчас пропав бесследно, не найдя, за что зацепиться, и Алена лишь помахала ей вслед рукой, а потом буркнула самым что ни на есть неприязненным, независимым тоном:

– Хорошо. Договорились. Семь тысяч евро. Но когда мы приступим к работе? Кстати, в таких случаях принято выплачивать аванс...

– Вот возьмите, – раздался голос Саблина совсем рядом, и Алена почувствовала, как на колени ей упало что-то довольно весомое.

Забавно: этот Саблин никтолоп, что ли? В комнате тьма крошечная, однако он не промахнулся. А Алена видит только смутное шевеление этой самой тьмы, некое ее перемещение, причем настолько неясное, бесформенное, как если бы в комнате находился не один человек, а два или три... Саблин же ориентируется безошибочно. Такое впечатление, что он, пока ждал здесь хозяйку, столь хитроумно проникнув в ее жилище и обведя вокруг пальца бдительных охранников, досконально изучил квартиру и теперь чувствует себя здесь как дома.

– Здесь ваш аванс – две тысячи евро, – сказал Саблин. – И дискета. Я, как мог, рассказал про свою жизнь. Не все, конечно, рассказал: пока что только третью часть истории. Вы это опишите быстренько, ну, к примеру, к завтрашнему вечеру, и перекиньте по электронной почте по адресу, который там на бумажке написан. А я статейку вашу, то есть это, готовый романчик, в газетку отошлю. Вы же получите по электронной почте новую порцию текста для литературной обработки. Излагайте его как хотите. Только события моей жизни и описания героев сохраняйте в неприкосновенности. И, к примеру, если я напишу, что кого-то любил или

ненавидел, вы это так в точности и излагайте, ничего не путая. Ладненько? Это самое главное мое условие: насчет сюжета и насчет чувств. Может, конечно, оказаться, что... – Он запнулся, вздохнул тихо и сипло, потом снова заговорил: – ...что, этот, как его, читательский резонанс быстро последует. Тогда мы на этом и остановимся. Больше писать не станем. Если ж резонанса не последует, тогда я вам новую часть текста по компьютеру передам и новые денежки. Сговорились?

Алена оставалась недвижимой и безгласной.

– Тогда до свиданья, Елена Дмитриевна, – очень любезным тоном произнес Саблин, приняв ее молчание за знак согласия, и правильно, между прочим, сделав. – Вы пока на диванчике посидите, ладненько? Нас... меня, значит, не провожайте, я сам уйду. А минуток через пяток дверь входную за мной закройте, она ж у вас не захлопывается сама, да?

Некое шевеление во тьме, потом скрипнула, закрываясь, дверь, отделяющая комнату от коридора. Громыкнула антикварная щеколда, на которую Алена запирала квартиру изнутри.

Так, они ушли. Вот именно – *они*. Саблин оговорился, но Алена и так почувствовала, что тьма была какая-то уж очень... объемная. Конечно, заказчик явился не один, а с каким-нибудь громилой-телохранителем.

Итак, гипотетические семь тысяч обернулись реальными двумя... И еще не факт, что там, в конверте, настоящие деньги. Может быть, какая-нибудь резаная бумага. И это все, что останется Алене в возмещение ущерба морального... а также и материального. Квартира, конечно, обчищена дочиста. Любимые серьги с бриллиантами, которые она так небрежно бросила на комод, разумеется, исчезли. И содержимое двух заветных шкатулочек, и захованные в укромном местечке денежки... Недавно Алена приобрела DVD-плеер – можно не сомневаться, что и его уже нет. Компьютер у нее старый, ноутбук тоже не принадлежит к числу образчиков нового поколения, их, может быть, и не тронули, а вот касаясь одежды... Она недавно купила в любимом магазине итальянского трикотажа «Гленфилд» кофтенку дивной красоты и два аналогичных свитера. С ними, стало быть, можно проститься. Сотовый телефон у нее на шее, на шнуре... ну и на том спасибо, что хоть он у Алены останется, хотя телефон-то как раз очень простенький, вся ценность в его памяти, там все номера нужные сохранены...

Внезапно Алена сорвалась с места и подскочила к окну. Оно выходило во двор, и, если встать коленками на подоконник и хитро изогнуться, можно увидеть подъезд, и крыльцо, и тех, кто на это крыльцо из ее подъезда сейчас выйдет. Совершенно точно: Саблин и его охранник не успели еще спуститься с третьего этажа на первый!

Алена прилипла носом к холодному стеклу. Подоконник леденил колени. Для ее заслуженного бурсита сие не полезно... Но она резонно рассудила, что бурситу гораздо хуже приходится, когда его обладательница бежит по морозу в коротенькой юбочке и тонких колготках (такое с Аленой частенько случалось!), а потому продолжала мучиться на подоконнике. И только когда колени и нос окончательно заledenели, до нее дошло, что Саблин и его телохранитель должны были выйти во двор как минимум пять минут тому назад. Что это получается, они до сих пор топчутся под дверью, ожидая, пока Алена ее за ними замкнет? Ох, и сознательный, ох, и душевный нынче вор и разбойник пошел! Нет, это вряд ли... Куда более правдоподобно допущение, что Саблин и его кореш убрались другим путем. Этих пути два – на выбор. Первый: через чердак перебраться в соседний подъезд и выйти оттуда; второй – исчезнуть из Аениного подъезда через парадную дверь, выходящую не во двор, а на улицу Ижорскую. Правда, та дверь заколочена... Однако во время майских приключений один плохой-нехороший человек ее нарочно расколотил. И хоть статус-кво был потом восстановлен, хоть дверь забили снова, но ведь то, что один человек наладил, другой завсегда разломать может...

Впрочем, каким бы путем, через чердак или через парадное, Саблин и его напарник ни ушли, свидетельствует это лишь о том, что они очень от Алены берегутся. Неужели и впрямь их пути могут случайно пересечься в дневной, так сказать, жизни? Но голос Саблина не вызвал у

Алены совершенно никаких ассоциаций, а у нее на голоса (и, кстати, на запахи) очень хорошая память, не то что на лица. А вот что касается голосов...

Алена нахмурилась, кое-что припомнив. Ладно, сейчас это не суть важно. Пора уже включить свет и взглянуть в глаза реальности...

Ее собственные глаза за это время уже успели по привыкнуть к темноте, так что на свету Алена сначала крепко зажмурилась, а потом осмотрелась.

Ну что тут можно сказать? Глаза реальности оказались не насмешливыми, не издевательскими, не злобными, а такими же вытаращенными от изумления, как у самой Алены. Вытаращились они, когда в конверте обнаружили две тысячи евро сотенными купюрами и компьютерная дискета марки «Verbatim». Шкатулочки и тайничок оказались не тронуты, серьги так и лежали на комод, свитерки, кофточки и вообще все имущество Алены находилось на месте. В том числе новый DVD-плеер и старый видеомagneтофон, а также компьютер с ноутбуком. Короче, Саблин и его приятель ничего не тронули!

Это радовало. Но и настораживало. Твоя зачем, так сказать, приходила?!

Алена осторожно высунула нос за дверь и прислушалась. Ей повезло с домом – тишина тут, как правило, царил полная, разве что доносились неясные, сдержанные звуки из-за надежно укрепленных (почти сплошь сейфовых) дверей. Алена на цыпочках поднялась наверх, к чердачной двери, и еще издали, из-за поворота лестницы, увидела, что висят замок на месте. Закрыто. Этим путем никто не мог уйти. Не поленилась пробежать вниз, на первый этаж, и потыкаться в бывшую парадную. Забито!

Постояла у двери, ведущей во двор, потом медленно, задумчиво пошла наверх, к себе.

Получалось – что? Получалось, что те двое либо успели выскочить из подъезда и скрыться с фантастической скоростью, либо просочились сквозь запертые двери, либо... либо исчезли в одной из одиннадцати квартир подъезда.

Строго говоря, квартир в нем было двенадцать, по три на каждом из четырех этажей, однако Алена могла бы спорить на миллион долларов (или даже евро, поскольку доллар, как известно, падает), что в одной из этих квартир Саблина и его напарника совершенно точно нет и быть не может.

Их больше нет в квартире Алены Дмитриевой!

Спасибо и на том.

Долги наши, или История жизни Ивана Антоновича Саблина

Я уничтожил ту, которую любил. Я в бегах, как затравленный зверь. Я потерял все, что имел, я не получил того, что заслужил. Я преступник, о котором не подозревает правосудие. Я предал человека, которому обязан всем в жизни.

Я не виноват. Виноват он, этот человек. Все, что случилось со мной, произошло по вине Гнатыюка, я обязан ему всем в моей жизни, самым счастливым – и самым горьким, невыносимым, и каждое утро, просыпаясь, каждый вечер, засыпая, каждый полдень, глядя на солнце, я посылаю проклятия этому извергу, этому исчадию ада, которое однажды возникло в моей жизни, пересоздало меня по образу своему и подобию, наполнило мою душу новым содержанием, мою жизнь – новым смыслом, но само же и разрушило меня, низвергло с высот моего удовлетворенного честолюбия в такие бездны гнусности, раскаяния, страха и ничтожества, что теперь я лежу на дне своей норы, точно умирающий зверь, и с ужасом жду, когда меня настигнет месть.

Справедливая месть!

Нет, умирающим зверем меня назвать нельзя. Я – подышающая тварь. Других слов по отношению к себе я не заслуживаю. Потому что я уничтожил ту, которую любил. Предал человека, которому обязан всем, даже и самой жизнью.

Я буду счастлив, когда он найдет меня, когда возникнет передо мной и напомним, что пришло время платить долги.

Кровавые долги.

Я вырос без отца.

Он умер, когда мне было три года. Был военным летчиком-испытателем, погиб при исполнении служебных обязанностей. Бабушки с дедушкой у меня тоже не имелось: родители матери утонули, когда меня еще на свете не было, ну а родители отца маму знать не хотели. Не нравилось, что их сын, талантливый летчик, решил жениться на девчонке без роду без племени, приехавшей во Владимир из глухого муромского села, на скромной библиотекарьше... Поэтому они так и не разрешили отцу с мамой расписаться, ну, и те просто жили вместе, любили друг друга без памяти, строили планы на будущее, надеялись, что когда-нибудь встреча с внуком – со мной то есть – смягчит сердца папиных родителей...

Однако надеждам этим не суждено было исполниться, потому что молодой летчик погиб, его мать умерла от разрыва сердца, его отец вскоре тоже умер, не пережив двух смертей; и тогда моя одинокая мама уехала со мной из Владимира в Нижний Новгород к тетке, потому что хотела начать новую жизнь, хотела оказаться подальше от тяжелых воспоминаний...

Я дожил до семнадцати лет и только тогда узнал, что вся эта история была не более чем сказкой, выдуманной моей матерью. Военный летчик во Владимире! Там и гражданского-то аэродрома в помине нет, чтоб еще и военная авиация процветала, вдобавок военная испытательная авиация... Бог ты мой, как подумаешь, сколько их, этих военных летчиков (а также полярных!) дало жизнь несметному количеству незаконнорожденных ребятишек, сколько фуражек с голубым околышем послужили, так сказать, моральным фиговым листком для ошибок молодости хорошеньких и легкомысленных девчонок...

Что характерно, мама моя благодаря своей работе – книжек начитавшаяся сверх всякой меры, врала очень хорошо и правдоподобно, поэтому я верил ей безоговорочно, абсолютно, у меня даже мыслей никаких сомнительных никогда не возникало. Да и как это могло

быть – не верить своей матери?! Я тоже с детства к книжкам был приучен, тоже врать умел, поэтому, соответственно, друзья мои ничего неладного или неправдоподобного в этой истории не видели. Может быть, их родители и наши учителя были более проницательны, однако из человеколюбия, а может статься, из сущего равнодушия и виду не подавали, что замечают те белые нити, которыми была шита вся эта история. И в таком вот счастливом неведении относительно своего истинного происхождения я пребывал до семнадцати лет – до того дня, когда в моей жизни появился Гном.

Мы с мамой жили очень уединенно и замкнуто. То есть у меня-то было много друзей, а она держалась нелюдимо. И была очень религиозна. Конечно, в то время это не слишком-то афишировалось, но мама в церковь ходила часто. Пыталась и меня приохотить, но ничего не получилось, я остался к этому равнодушен. К счастью, у мамы хватило и ума, и любви, чтобы меня не ломать. Однако она становилась все более замкнутой, все глубже погружалась в свой мир, мы как-то отходили друг от друга, хотя внешне-то все вроде выглядело нормально. У меня вообще создавалось ощущение, будто мама только и ждет того дня, когда я достаточно повзрослею, чтобы она могла предоставить меня самому себе, а сама, к примеру, в монастырь уйти.

И вот вдруг все изменилось – ради моего дня рождения.

Мама очень захотела устроить вечеринку по этому случаю, моих школьных друзей позвать. Я обрадовался, конечно. Мама в нитку вытянулась, чтобы все происходило «как у людей». На дворе стоял год, когда было все по талонам – пустые прилавки магазинов, жуткие очереди за яйцами, за маслом... незабываемые впечатления моего детства и юности! Однако мама съездила в Москву и вернулась оттуда, вся обвешанная сетками с апельсинами, колбасой, конфетами, пепси-колой, воздушной сумочкой с тортом «Птичье молоко» и – заодно уж! – рулонами с туалетной бумагой. Там же, в Москве, в каком-то общественном туалете был мне куплен жутко дорогой и фантастически дефицитный подарок: джинсовая рубашка, и не какая-нибудь там индийская, а настоящая, плотная, голубая, фирмы «Леви Страус». Между прочим, хоть прошло с тех пор чуть не двадцать лет, рубашка эта у меня еще жива, она – единственное, что осталось у меня из того прошлого, почему-то именно ее я надел, когда бежал, спасая свою никчемную жизнь, бежал от Гнатыка, бежал от той, которую...

Ладно, об этом потом, потом. Позднее. Всему свое время.

Итак, намеченный праздник настал. Это было солнечным апрельским днем. Как сейчас помню ту раннюю весну: от снега и помину не осталось! До прихода гостей оставалось два часа, но у нас с мамой уже было практически все готово, стол накрыт, я резал колбасу для непременно салата оливье, а мама готовилась ставить в духовку пирог. Она была какая-то ужасно нервная в тот день, глаза на мокром месте, все валилось из рук... Я подумал, что это, наверное, она стесняется, что стол у нас, несмотря на все ее мучения и старания, пустоват получается. Вино было совсем дешевое, а шампанского нам добыть так и не удалось. В конце концов она вдруг села, взявшись за сердце, и сказала, что у нее кончился валидол.

– Ванечка, можешь в аптеку сбегать?

Я, конечно, все бросил и помчался в аптеку. Помню, какое в тот день было солнце... какое солнце! Как оно ударило мне по глазам, когда я выскочил из подъезда! Как пахнули мне в лицо набухшие тополиные почки! Я мигом ослеп от солнца, начал чихать от этого запаха, и тут-то, после очередного чиха, кто-то приветливо сказал из-за моего левого плеча:

– Будь здоров, сынок.

Глуп я был в ту пору до невероятности, глуп и наивен, мне даже и в голову не пришло остерегаться, а ведь именно из-за *левого плеча* звучал этот голос... Впрочем, где мне было остерегаться, я и знать не знал, что если за правым плечом человека стоит его ангел-хранитель, то за левым... за левым таится его бес-погубитель. Ну вот он и явился наконец-то ко мне.

Слишком сильно пахли тополиные почки, а не то я, может быть, учуял бы запах серы...

Да где мне, идиоту! Я бы и тогда ничего дурного не заподозрил!

Итак:

– Будь здоров, сынок.

– Спасибо, – прочихал вежливый мальчик (это я) и ринулся было дальше, к аптеке, но проворная лапа сцапала меня за рукав курточки и задержала.

Я обернулся, еще не чуя ничего дурного.

Первый мой взгляд был брошен на уровне глаз, однако там я не обнаружил человеческого лица, как это предполагалось бы. Будем справедливы: *нечеловеческого* лица я там тоже не обнаружил. Вообще никакого лица не было – но не по каким-то inferнальным причинам, а лишь потому, что человек, остановивший меня, был очень низкорослым, гораздо ниже моего плеча, и он был толстый, просто-таки круглый, лысый, одетый во все светлое и, это сразу понял даже я, мальчишка, в очень дорогое. Собственно, он был не совсем лысый: какой-то светленький легкомысленный пушок на его макушке имел место быть, и из-за него он имел необычайно добродушный вид. И хотя черты его лица добродушием не отличались – они были набрякшими, тяжелыми, небольшие глазки, запрятанные в складках кожи, придавали лицу вид хитрый и даже опасный, – широкая улыбка смягчала это впечатление. И довершал дело голос: глубокий, мягкий, какой-то даже уютный, этот голос был бы под стать изящному и благородному Атосу, а не какому-то... гному.

Странно, что именно это слово пришло мне в голову первым, когда я увидел того человека!

– Привет, Иван, – сказал он мне.

– Здравсьте, – пробормотал я, недоумеая, кто бы это мог быть. Папаша кого-то из нашего класса? Вроде не припоминаю такой родительской рожи... И хоть дом у нас большой, но среди наших соседей я этого чувака точно не видал.

– Ты не напрягайся, – сказал он этим своим приятным голосом. – Ты меня не знаешь, зато я тебя помню с тех самых пор, как ты родился. Сподобился повидать, когда твою мамашу из роддома выписали.

Неужели это товарищ моего отца?!

Я угадал, что характерно!.. Хотя, конечно, в роли отца своего я в те минуты видел все того же несуществующего летчика – красивого той выдуманной мужской и мужественной красотой, какой не бывает в природе, а встречается она только в мечтах или плохих киношках. Разумеется, истины я тогда не подозревал.

– Здравсте, – снова пробормотал я, и видок у меня был, конечно, преглупейший.

– Ты в аптеку торопишься, я знаю, – сказал он. – Смысла нет. Иди лучше домой, только вот это с собой возьми.

И он показал на две пребольшие коробки, которые стояли у его ног. Одна была простая белая картонная, обвязанная бечевкой, другая побольше, обернутая коричневой бумагой, какой оборачивают посылки на почте. Она называется «крафт-бумага», смешное название, я тогда его не знал.

– А что это? – спросил я, ничего, конечно, не понимая.

– Да так, подарки, – ответил он. – Хэппи бестдэй ту ю!

Я малость ошалел. Тогда, в 88-м, английским еще не щеголяли направо и налево, надо или не надо. Ну, молодежь-холостежь могла примерно представлять себе, что ж это такое – хэппи бестдэй ту ю, но старшее, мягко говоря, поколение... И только потом я удивился тому, чему следовало удивиться с самого начала: как он мог догадаться, что я спешу именно в аптеку?!

Я растерянно оглянулся на свой дом и увидел маму, которая стояла на балконе и смотрела на меня. Кажется, это был последний раз в моей жизни, когда я оглянулся на мать, ища у нее поддержки. Вот как бы до сей секунды я еще держался за ее подол, а тут раз – и отпустил. Но

каким-то немыслимым образом я понял, что в аптеку мне и впрямь идти уже не надо. Что она меня нарочно выставила из дому именно в это время, чтобы я с этим гномом встретился.

И вот я стоял, весь такой растерянный, тополя пахли горько, одуряюще, может, я от этого поглупел, не знаю, только я кое-как собрался, поднял коробки – ох, какие тяжеленные они были, я даже удивился, что такое в них может оказаться, и, буркнув не то «спасибо», не то «до свиданья», потащился домой.

Как только я появился, моя мигом почувшевшая маманя с необычайно деловитым видом принялась коробки распаковывать. Я потом понял, что таким образом она маскировала свою неловкость и растерянность. Однако содержимое коробок и в самом деле могло заинтересовать кого угодно. В белой были продукты, в том числе шампанское, аж две бутылки. Колбаса «Московская», полукопченая, и сервелат, и буженина, и сыр очень жирный и мягкий, сроду такого не ел, у нас же бывал в продаже в основном «некондиционный» восковой «Пошехонский», который в рот не вломишь, однако ничего, лопали его за милую душу, потому что он тоже был в дефиците, и еще что-то ужасно вкусное и ранее не виданное оказалось в коробке, я уже точно не помню... Да, еще зефир в шоколаде, любимейшее мое лакомство, я б за него душу черту продал... Ну вот я и думаю, а не продал ли я ее в самом деле за тот зефир в коробке с белыми розами производства фабрики «Рот-Фронт»?..

Но еда – это еще ничего, это мелочи. Главное же, что в другой коробке, которая крафт-бумагой была обернута, оказались еще две красоты невиданной: одна с небольшим телевизором «Sony» – самым настоящим, японским! – а вторая с видеомagneтофоном, тоже «Сонькой», маленькой, плоской, изящной, и набор кассет, несколько фильмов. Фильмы были – эротика, но не фигня позорная, даже не Тинто Брасс, к примеру, а шедевры: «Греческая смоковница», «Девять с половиной недель», «Калигула», «Мессалина» и все такое, полный джентльменский набор того времени. И еще один фильм, который меня наизнанку вывернул, хотя это была, строго говоря, не эротика, тем паче не порнуха, а просто великолепное кино – «Сердце ангела». Я сначала диву давался, почему среди траха-перетраха оказалась эта лента, а потом понял: потому что там отцом героя был дьявол! Ну а у меня почти так же вышло, только дьявол оказался не моим родным отцом, а приемным.

* * *

Прочитав электронный адрес, по которому надлежало отправить начало «заказного романа», Алена только головой покачала. Дважды ей приходилось с помощью компьютера и элементарной догадливости распутывать довольно сложные интриги ⁴, поэтому она втихомолку считала себя уже почти что хакершей со стажем. Однако этот электронный адрес не давал, увы, никакой зацепки, с помощью которой можно было бы подобраться к заказчику, потому что был зарегистрирован не у какого-нибудь городского провайдера, а непосредственно во всемирной паутине: в поисковой системе Rambler, которой часто пользовалась Алена и где у нее и самой имелся незамысловатый адресок: dmitrieva.a@rambler.ru. Просто в один прекрасный день ее обычный электронный адрес, зарегистрированный у одного из нижегородских провайдеров, начал глючить, почтовый ящик оставался пустым, общаться с издательством и друзьями приходилось исключительно по телефону, счета за междугородные переговоры непомерно выросли, ну вот Алена и кинулась за помощью к Rambler'у.

Завести там адрес оказалось просто, как ясный день: открываешь основную страницу, кликаешь на надпись: *Получить адрес*, а потом отвечаешь на вопросы анкеты, которая называется: «Регистрация нового пользователя».

⁴ Об этом можно прочитать в романах Елены Арсеньевой «Дамочка с фантазией» и «Крутой мэн и железная леди».

Вопросы тоже просты до безобразия. Сначала придумываешь свой логин – имя, стало быть. Писательница Дмитриева записала себя как dmitrieva.a. Затем сочиняешь пароль из восьми знаков, причем там должны иметь место как цифры, так и буквы, и выглядеть членораздельно паролю совершенно не обязательно. У Алены пароль смотрелся сушей абракадаброй: pw3ijs5g. Разумеется, свой пароль нормальные люди никому не открывают: кому охота, чтобы в их почтовый ящик лазили все кому не лень? Алена тоже хранила его в таком строгом секрете, что постоянно боялась забыть. Впрочем, на сей случай у Rambler'a имелись особые примочки: секретный вопрос и ответ на него. Секретный вопрос и ответ используются для восстановления забытого пароля. Секретным вопросом для Алены было: «Имя вашего любимого человека?» Забыть ответ на этот вопрос она не боялась... Затем требовалось указать какой-нибудь реальный, существующий e-mail для связи, чтобы на него, в случае чего, мог быть выслан забытый пароль. Понятно, что этот самый e-mail можно было указать какой угодно: к примеру, открыть последнюю страницу любой газеты и переписать ее электронный адрес. Сугубым враньем могли быть ответы на все прочие вопросы регистрационной анкеты: ваше реальное имя, ваша фамилия, ваш пол, ваш возраст, частота пользования Интернетом, образование, сфера деятельности, ваш социальный статус... Потом требовалось ввести число, указанное внизу анкеты – и дело сделано, у тебя есть адрес в Rambler'e, вычислить тебя по которому невозможно. Отследить получателя нереально в принципе! Ведь лазить в почтовый ящик можно не с собственного компьютера (Алена с большой натяжкой допускала, что какой-то конкретный компьютер, слишком часто общающийся с конкретным почтовым ящиком, пусть даже этот ящик зарегистрирован во всемирной паутине, вычислить все же возможно... хотя не факт!), а из одного из многочисленных Интернет-кафе, которых теперь несчитано развелось по всем мало-мальски приличным городам. Так что Алена постаралась не обращать внимания на детективный зуд, который не давал ей покоя, отказалась от попытки подобраться поближе к своему работодателю и всецело предалась работе.

Не стоит, между прочим, думать, что эта работа совсем уж сказать – не бей лежачего. Да, на дискете была изложена подробная история Саблина, но это же такая занудная скукота! Все в тексте выглядело унылым и обтекаемым. Понятно, почему Саблину потребовался литературный обработчик: эту тоскливую газетную «передовицу» никто и никогда не стал бы читать. Алена, как могла, расцветила, оживила и обогатила ее что словесно, что психологически, в этом можно признаться без ложной скромности. Результатами труда своего писательница осталась довольна, хотя, честно сказать, она не слишком-то перетрудилась: возилась с первой частью жизни Саблина всего лишь каких-то два часа и немедленно перекинула материал на загадочный адрес своего работодателя: galka.n.om@rambler.ru.

Galka.n?! Шо це таке? Galka, в смысле, галка – птица вороньей породы. Но она вряд ли имеет отношение к адресу. Galka.n? А может быть, воспринимать это как одно слово – galkan?

По своей привычке докапываться «до самой сути» Алена немедленно сунулась в словари, но ни в немецком, ни в английском, ни во французском, ни в итальянском, ни в испанском языке не нашла перевода. Других лексиконов у нее не имелось. Или слово выбрано случайно, или имеет какой-то смысл, однако его Алене вовек не разгадать.

Но господь с ним, с этим galka.n'ом. Это еще не самая большая странность. Точнее, это просто странность. А вот в самом обработанном тексте были не только странности, но и страшности, вернее сказать, вещи еще не пугающие, но очень сильно настораживающие. Неизвестно, конечно, что окажется в новом отрывке, который ей придется обрабатывать, однако сейчас отчего-то мерещится, будто писательница Дмитриева, желая подзаработать, ввязалась в нечто криминальное. А то и в сущую уголовщину.

Конечно, деньги не пахнут, однако... Однако пахнет кровь. А уж как пахнут трупы!..

Ладно, ладно, зачем подпускать такие страсти-мордасти? Рассчитывай на худшее, но надейся на лучшее – вот в чем величайшая мудрость жизни. Поэтому надейся, писательница,

что твой скорбный труд не пропадет, что тебе удастся не только невинность соблюсти, но и капитал приобрести, слупить с работодателей все обещанные семь тысяч евро, остаться при том при всем живехонькой-здоровехонькой, а затем, по установившейся традиции, написать об этом для любимого издательства запутанный и кровавый детектив, который можно назвать именно что «Заказной роман»! Ни в коем случае нельзя пренебрегать дарами судьбы, однако Алена забыла некую прописную истину, гласящую: «Timeo Danaos et dona ferentes!», что означает: бойся данайцев, дары приносящих. В роли этих самых данайцев выступала в данном случае именно судьба, а Алена уже не раз могла убедиться, что от этой щедрой на дары подружки всякого можно ждать...

Итак, короче говоря, она закончила обработку первой части будущего романа еще до полуночи. Перечитав текст, отправила его galka.n'y и пошла спать. Вообще-то, конечно, следовало и свою работу поработать, ведь сроки сдачи очередного романчика в издательство, как всегда, поджимали, однако две тысячи евро наличными, внезапно образовавшиеся в бюджете, невольно подвигли писательницу к небольшой расслабухе. Ничего смертельного не произойдет, если она сегодня ляжет спать в нормальное человеческое время, пусть даже пресловутое количество знаков останется не отщелканным. Нет, дело даже не в этих развращающих, расслабляющих, случайных, шальных деньгах, а в том, что Алена сегодня перенесла такие жуткие стрессы! Из-за них она даже Игорю позвонить забыла – сразу кинулась смотреть дискету, потом отрабатывать содержимое конверта. Все-таки от себя, от рабочего неформального, не убежишь. Что же касается Игоря... Какой смысл ему звонить, если завтра вечером он будет сторожить «Барбарис» – тут-то влюбленная писательница и навестит его, тут-то и возьмет, как принято выражаться, тепленьким...

Лелея эту надежду, она и отправилась спать, ну и видела во сне, конечно, любимого мальчишку. И себя с ним. Они стояли обнявшись, и Алена утыкалась в это его чудное, обожаемое, горячее местечко между шеей и плечом, перечеркнутое тонкой цепочкой крестика, и пощипывала эту цепочку губами, и шептала:

– Игорь, Игорь, Игорь, я вас люблю... – Вот так, почему-то на «вы», как раньше, когда они еще только обменивались взглядами, исполненными затаенного желания, а больше ни на что не отваживались, потому что смертельно боялись друг друга.

Эта мимолетная мысль об их забавном, обоюдном, так до конца и не преодоленном страхе друг перед другом почему-то оказалась некоей, с позволения сказать, нитью Ариадны, которая привела в сон Алены воспоминание о страхе совсем другого свойства: о темноте, о промельке неоновых светов, источаемого дисплеем, о широкой костистой руке с фалангами, густо поросшими волосками. Алена рванулась во сне к Игорю, но его уже не было рядом, и ничьи руки ее не обнимали, и некому было ее обнять, а потом вдруг возникло его лицо: бледное, напряженное, злое, и сквозь длинные спутанные пряди, упавшие на лоб, Алена видела его глаза, один из которых был прекрасен, как всегда (черные солнца, называла их она, черные туманы!), а второй залит краснотой, заплыл кровавым пятном... Совершенно понятно, что влюбленная барышня зарыдала и проснулась в слезах, потом еще пометалась в постели, поняла, что уснуть не сможет, с облегчением обнаружила, что на часах не три утра, к примеру, а шесть, то есть наличие законные основания встать с постели и сесть за компьютер, что она и сделала в скором времени, после некоторых необходимых косметических манипуляций.

Хотелось позвонить Игорю, хотелось, хотелось! Но звонить в седьмом часу утра любимому мужчине, который привык просыпаться к полудню, это... это нечто, определение чего просто не укладывается ни в какие слова и не лезет ни в какие ворота.

Поэтому Алена потащила к письменному столу, хотя глаза были на мокром месте.

Первым делом она всегда проверяла электронную почту, и стоило ей открыть Outlook Express и включить модем, как в нижнем углу экрана высочило изображение конвертика, что означало: мыло прилетело!

Или, говоря по-русски, читайте письма.

Писем оказалось два, причем первое было ответным с адреса galka.n.om@rambler.ru и гласило: «Отлично, Елена Дмитриевна! Вот это оперативность! Ну что ж, продолжим наше сотрудничество! Сегодня в вашем почтовом ящике вы найдете конверт с соответствующим содержимым. Новый файл для обработки прилагается к этому письму. Надеюсь, вас заинтересовал материал? Судя по вашей оперативности – да, чему я весьма рад. Желаю удачи, Саблин».

Несколько минут Алена сидела, снова и снова перечитывая письмо. Потом открыла прилагаемый файл.

Интересно... Судя по легкому, свободному стилю письма, Саблин не испытывает затруднений с подбором слов и умеет излагать свои мысли в эпистолярном жанре. Тон письма вполне светский! Одно только слово «весьма», которое употреблено вместо «очень», способно много сказать внимательному читателю. Однако кондовая стилистика текста, который прилагался для обработки, а также простонародный лексикон, звучавший в квартире Алены минувшим вечером, все эти «ладно-ка», «больно надо», «сплю и вижу»...

Не стыкуется!

«Речевые характеристики персонажей» – так называлась курсовая работа по стилистике, которую студентка Лена Володина – как в незапамятном прошлом звали Елену Ярушкину, Алену Дмитриеву тож, – писала на каком-то курсе своего филфака. Речевые характеристики персонажа по имени Иван Саблин оказались *весьма* загадочными. Такое ощущение, что он был един в двух лицах.

Разгадка может быть простейшей: например, у Саблина есть секретарь, а может, секретарша, которая и ведет от его имени электронную переписку, и секретарь этот – человек образованный и культурный.

Разгадка может быть детективной: Саблин – отличный актер, который не хочет, чтобы писательница просекла его истинную суть. Поэтому и придумывается как может, однако нечаянно выдал себя письмом.

А впрочем, писательница, не все ли тебе равно, какие мотивы движут заказчиком? Твое дело – отрабатывать полученный аванс. Вернее, авансы.

В течение дня, значит, ее наличный фонд увеличится до четырех тысяч евро. О, очень недурно. Все идет к тому, что где-нибудь в феврале, исполнив все договорные обязательства перед «Глобусом», писательница Алена Дмитриевна вполне сможет позволить себе небольшую расслабуху. Например, скатается в какой-нибудь зарубеж. И она даже знает, конкретно в какой...

Париж называется.

А пуркуа бы не па? Ее знакомая, хорошая девочка Марина, участница летних приключений, звала в гости, обещала приглашение прислать. Провести пару недель в Париже – ну что может быть лучше для восстановления душевного равновесия красивой женщины? Прошлым летом Алена восстановилась по полной программе: в таку-ую крутую детективщину ввязалась, таки-ие сердечные сотрясения пережила ⁵, что похудела на два килограмма и стала выглядеть лет на пять моложе. И без всяких, заметьте себе, посещений салонов красоты!

Но не кажи гоп, пока не перескочишь, деньги пока еще не заработаны. Вообще, довольно-таки рискованно: подбрасывать их в почтовый ящик. А вдруг кто-нибудь сунется туда прежде Алены? Кто-нибудь из досужих соседей?!

Может, написать Саблину и попросить придумать для выплаты гонорара что-нибудь пооригинальнее и понадежнее? Ага, а он поймет это как намек и опять завалится в гости таким же экстравагантным способом, как и в прошлый раз!

⁵ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом».

Нет, довольно с Алены вчерашних содроганий. Пусть будет как будет. Вся штука в том, чтобы почаще бегать сегодня к почтовому ящику. Только и всего. Может быть, повезет наткнуться и на «почтальона», а главное, проследить, откуда он появится. Вдруг да и в самом деле он окажется соседом Алены? А почему бы и нет? Оказался же бедолага, страдалец Костя Простилкин, которому догадливая писательница мимоходом спасла жизнь, здоровье и состояние, любовником ее соседки с первого этажа! ⁶ Мир тесен, это общеизвестно, но то, что он тесен просто до безобразия, Алена Дмитриева знает лучше других.

На всякий случай она немедленно спустилась к почтовому ящику, хотя это была сушая дурь, конечно: ожидать, что деньги окажутся там. Ну, пошла просто так, на всякий случай, чтоб не думалось!

Задуматься, однако, пришлось, потому что в ящике обнаружился-таки искомый сверток, завернутый в белый фирменный пакет продуктового отдела супермаркета «Этажи». Алена извлекла пакет дрожащими руками и собралась развернуть прямо на площадке, однако где-то наверху стукнула дверь, и Алена огромными прыжками понеслась через две и даже три ступеньки в свою квартиру. Не хватало еще предстать перед соседями в халате, шлепанцах, с вытаращенными от изумления (вдобавок ненакрашенными!) глазками... и пачкой евро в руках!

Однако подобная оперативность наводила на очень многие мысли. Неужели Саблин или кто-то из его подельников (а почему она употребляет именно это непрезентабельное слово? Ладно – кто-то из его соратников, клеветников, союзников, сателлитов, приятелей, друзей, близких людей, помощников, ассистентов, адептов... и так далее, и так далее!) и в самом деле обитает в этом доме, в этом подъезде? А может быть... Алена посмотрела на время получения электронной почты ее сервером и увидела, что письмо от Саблина пришло в два часа ночи. Ну, с тех-то пор была прорва времени приехать к ней хоть из центра Сормова, хоть из какого-нибудь, условно говоря, Афонина – и бросить в ее почтовый ящик ценную посылочку. И вообще, ну что за манера до всего докапываться, допытываться, доискиваться? Не проще ли принимать с благодарностью дары судьбы *et dona ferentes*?

Вот именно!

Она задумчиво повертела в руках пакетик. Магазин «Этажи» находится в двух кварталах от ее дома. Значит ли это, что Саблин живет где-то рядом? Или у него просто есть машина? Ведь в модный, популярный да и в самом деле отличный супермаркет «Этажи» народ повадился ездить со всех концов города, стоянка перед магазином забита автомобилями, пешему человеку шагу не шагнуть, можно только боком-боком пробраться. Нет, это никакой не след!

Алена под села к компьютеру и, подавив желание немедленно начать отрабатывать очередную порцию гонорара, решила сначала посмотреть, какой сюрприз принесло ей еще одно утреннее письмо, явившееся с совершенно незнакомого адреса: pomme@express.khabarovsk.ru.

Незнакомого-то незнакомого, но слово *khabarovsk*... Вернее, *Khabarovsk*, вот так, с большой буквы! Это же Хабаровск, чудный город на Амуре, где Алене повезло побывать лет десять назад, когда она подрабатывала в одном из скороспелых нижегородских журналов, который посылал своих корреспондентов по разным городам и весям и на этом деле вдрызг разорился... Кое-кто из корреспондентов сподобился съездить на Кавказ или на Украину, кое-кто – в заманчивую зарубежину, ну а Алена Дмитриева, которая любила Дальний Восток, побывала в Хабаровске. У нее там остались друзья, в том числе – душевная подружка Маша. С ней Алена состояла в постоянной электронной переписке. Маша была известной в городе гадалкой и периодически осчастливливала подругу своими пророчествами, которые, как и свойственно пророчествам, то сбывались, то не сбывались, однако вносили в унылую жизнь нашей писательницы немалый таки оживляж.

⁶ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Крутой мэн и железная леди».

Но это не Машин адрес, а какого-то ромме. Ромме по-французски яблоко. Что ж оно за яблоко такое? Забавно, однако. Гном... яблоко... что-то это напоминает Алене... А, ну да, понятно что. Сказку «Белоснежка и семь гномов». В этой сказке Белоснежку отравили яблоком. Гном – пусть один, а не семь – был вскользь упомянут в «казанном романе», яблоко – вот, выкатилось из гиперпространства, а кто сыграет роль беденькой отравленной Белоснежки, которая из любопытства впустила в дом злодейскую старуху, из любопытства попробовала яблочко? Уж не любопытная ли писательница Алена Дмитриева уподобится ей?..

О-хо-хо! Не хотелось бы!

А кстати, как насчет любопытной Варвары, которой на базаре нос оторвали?

Может быть, пора уgomониться, как поется в песенке?

Может быть, но любопытство уgomониться не пожелало и заставило-таки Алenu дрожащей ручонкой открыть в своем электронном почтовом ящике письмо от ромме.

Есть такая пьеса, ее в школе проходят, – «Горе от ума». Всем известная комедия, написанная еще в XIX веке Александром Сергеевичем Грибоедовым. Прочь из Москвы, сюда я больше не езду... Что станет говорить княгиня Марья Алексевна? Чуть свет уж на ногах, и я у ваших ног! С корабля на бал... А судьи кто? Спешил, летел, дрожал, вот счастье, думал, близко... Он франкмасон и вольтерьянец!.. Ну и так далее, и тому подобное. У Грибоедова было «Горе от ума». А писательнице Алene Дмитриевой по жизни то и дело приходилось претерпевать горе от собственного буйного воображения. Как правило, прежде чем войти в какую-нибудь житейскую ситуацию, она накручивала, наворачивала вокруг этой ситуации бог знает что. То есть воображала ее себе во всех подробностях – все трудности и проблемы, которые в ходе этой ситуации могут встретиться, все чаемые дивиденды, все нечаемые убытки, охи-вздохи, горести-радости... Затем наступала встреча с реальной жизнью, которая, как правило, отличалась от воображаемой примерно так же, как всякая подделка отличается от реальности. Обычно получалось по пословице: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!» Но иногда получалось с точностью до наоборот: неумное воображение Алены заставляло ее совершенно напрасно мандражировать от волнения и беспокойства. Совершенно так же вышло с этим несчастным ромме, с этим электронным яблоком!

Против ожидания, все оказалось элементарно просто. Электронный адрес принадлежал одной из хабаровских газет под названием «Зеленое яблоко» (!!!), а письмо было подписано какой-то Ниной Корпачевой, заместителем главного редактора этого самого «Яблока». Во первых строках своего письма Нина Корпачева сообщала, что адрес госпожи Дмитриевой получила от своей приятельницы Марии Шумковой, которая одновременно является и приятельницей вышеназванной госпожи. Далее Нина очень пылко уверяла, что число хабаровских поклонников творчества писательницы Алены Дмитриевой растет не по дням, а по часам и даже где-то по минутам, и все они страстно желают, можно сказать, жаждут как можно больше узнать о своем литературном кумире. Так почему бы госпоже Дмитриевой не пойти навстречу этому желанию и не дать «Зеленому яблоку» небольшое электронное интервью?

Польщенная госпожа Дмитриева только плечами пожала: дать интервью? Легко! Подобные электронные интервью были для нее не в новинку, поэтому она, почти не задумываясь, отщелкала ответы на задаваемые вопросы, которые были довольно банальны: когда начали писать (давно), почему работаете в жанре детектива (потому что люблю детективы), каковы ваши литературные пристрастия (Шекспир, Пушкин, Бунин, Булгаков, Катаев), кого из писателей считаете своей самой серьезной соперницей (Дафну Дюморье! А вы думали, я кого назову?..), ваши творческие планы (писать – и никаких гвоздей, а что именно – не скажу, потому что я жутко суеверна, это раз, а во-вторых, живу одним днем, без особых планов) – ну и так далее, и тому подобное!

Отправив интервью, Алена заодно написала и подруге Маше – поблагодарила за протекцию, а потом попросила немножко погадать на удачу и любовь. Когда-нибудь, когда у Маши будет время...

Ну а теперь пришло время отрабатывать очередные тысячи евро и продолжать историю жизни Ивана Антоновича Саблина.

Долги наши, или История жизни Ивана Антоновича Саблина (продолжение)

Мне кажется, я уже столько тут нагородил эмоций, охов и вздохов, что только идиот не догадается: мой «папашка героический» был никакой не летчик, а мокрушник отъявленный. Молодой, красивый, прикинулся, как в сказках говорится, добрым молодцем, ну, матушка моя, которая только из своей муромской деревни приехала и была еще простая, как русская печь, в него влюбилась. А он переспал с ней – и исчез. Он ее так и так бросил бы, конечно, но тут его взяли на деле да посадили. Она и узнала из газет, с кем ночь коротала и от кого забеременела. Но она, что характерно, не испугалась и не шарахнулась от него: ездила в тюрьму, пыталась какие-то передачи передавать, письма писать... Сообщила, что беременная. Он, папаша, очень сильно удивился – не беременности, конечно, а такой верности и преданности. И пожалел девчонку – передал ей маляву, чтоб забыла, не связывалась с ним, потому что из тюрьмы ему если и выходить, то в нелегалку, а таким беглым не до семейной жизни! Пусть она аборт, дура, сделает, а потом живет, как живется.

С тех пор она ему больше нежных писем не писала, но аборт не сделала, а потом и меня родила. Маме повезло: родная тетка ее приютила в Нижнем, помогла выучиться. Со мной нянчилась, пока не умерла от сердца. Ну, дальше началась наша правдашняя жизнь, о которой маме нечего было рассказывать мне, о которой я и сам знал. Не знал только вот чего: иногда в нашем скудном бюджете бывали светлые, так сказать, моменты, откуда-то брались деньги и вообще – у мамы всегда были какие-то заначки. Она мне вкручивала: дескать, родственники деревенские помогают. Любого другого нормального парня, а не такого доверчивого лопуха, как я, это насторожило бы: как это так, родственники помогают, а почему ни мы к ним в гости не ездим, ни они к нам ни ногой? «Родственники» эти были, оказывается, папашкины кореша.

Антон Петрович Москвин (так его звали, отца моего, а Саблин я по матери, они ведь не были зарегистрированы, отчество она мне дать могла настоящее, но фамилию отца – нет) в самом деле умер на зоне через три года после моего рождения: подстрелили его при попытке к бегству. Но у него остался друг – вот этот самый, пухленький, на гнома похожий. А он оказался человеком непростым, очень непростым, он-то и исполнял последнюю волю отца: поддерживал его сына и эту глупую девчонку, мою маму, которая никого, никакого другого мужчину в жизни знать не хотела, только его одного, вора, убийцу, зэка, любила и ждала. А потом, когда узнала о его смерти, точно такой же безответной и беззаветной любовью полюбила Иисуса Христа. Бывают такие вот причуды природы...

Да, моя мама была и в самом деле причудой, вернее, чудом природы. Я привык к ней одной, а тут передо мной словно бы совсем новый человек возник. Другая женщина на ее месте рыдала бы слезами, исповедуясь перед сыном в грехах молодости, просила у него прощения за то, что врала ему всю жизнь, как-то на жалость была бы, пыталась оправдаться... А мама говорила со мной небывало сухо, холодно, будто с чужим человеком. С чужим человеком – о чужих ему людях, а не с сыном родным – и о нашей же семье. Она даже не слишком интересовалась тем, что я думаю, что чувствую, что со мной происходит от этих известий, которые всю душу мою перевернули и которые должны были перевернуть всю мою жизнь.

Теперь дело прошлое... Теперь все это очень далеко от меня ушло, я слишком много пережил за те шестнадцать лет, которые с той поры прошли, но тогда я был оглушен, ошеломлен, убит, можно сказать, и в конце концов впал в какое-то оцепенение, так что каждое новое известие (а им словно бы конца видно не было!) становилось для меня уже очередным ударом по онемевшей, бесчувственной, разбитой голове. Боли не чувствовал, короче.

Я уже говорил о том, что мама была очень религиозной. Однако этого мало: она собралась уходить в монастырь! И вскоре я проводил ее в Выксу, это такой городок на Нижегородчине. Раньше там находился огромный, на всю Россию знаменитый монастырь, стоял потрясающе красивый храм, но теперь от храма остались только изувеченные стены, а монастырские здания в основном отдали под коммуналки, но потом монашки себе что-то вытребовали, как-то обустроились. Вот там и поселилась моя мама.

Больше мы не виделись, потому что она отказывалась со мной встречаться. Я не обижался, я же говорю, что во мне как бы отмерли некоторые чувства. И когда я узнал о ее смерти, мне показалось, что уже ждал чего-то в этом роде. Оказывается, у нее был рак, она знала, что скоро умрет, и то ли меня хотела от излишних страданий избавить, то ли душу свою с Господом примирить.

Я не знаю, чего она хотела. На похоронах не был – я в это время учился в другом городе.

Сразу после того, как мы познакомились с другом моего папани (фамилия его была Гнатюк, звали Олег Михайлович), он крепко за меня взялся. Мама, уезжая в Выксу, ему меня всецело поручила, и он делал со мной что хотел. А хотел он мне только добра, как выяснилось. Ни в какую преступную шайку он меня заманивать не собирался, такой пошлости даже предполагать не стоит. Гнатюк забрал меня из школы, перевел в другую, самую лучшую в городе, а чтобы я в классе не отставал (это ведь уже были десятый-одиннадцатый классы, выпускные), нанял мне репетиторов. Честно скажу: я даже не предполагал, что могу учиться с таким удовольствием, что это окажется так интересно.

Во открытие сделал, да?

Самый лучший репетитор был у меня по биологии и химии, и вскоре я понял, что мне хочется биологом стать. Нет, конечно, не в школе про пестики-тычинки или, условно говоря, про цепочки ДНК рассказывать. Мне хотелось заниматься этим профессионально. И мои намерения совпали с намерениями Гнатюка, который, оказывается, собирался сделать меня врачом. Когда я закончил школу (не с золотой медалью, конечно, но экзамены почти все сдал на пятерки, и такой рывок, который я сделал от троечника к отличнику, для меня самого очень много значил, больше даже, чем медаль, которую, конечно, Гнатюк купил бы мне, если бы только захотел или если бы я его попросил), приемный отец увез меня из Нижнего. Мы уехали на Дальний Восток, в Хабаровск, и там я поступил в медицинский институт.

Конечно, я обалдел, когда узнал, что учиться мне придется в каком-то захолустье. Я же тогда дураком был и считал центром вселенной одну Москву, думал, что меня Гнатюк готовит для того, чтобы я учился в МГУ, самое малое! Но он объяснил мне, что, во-первых, центром вселенной человек сам себя должен ощущать, это сугубо от него зависит, никакая Москва в этом помочь не может, а во-вторых, и это главное, в то время в хабаровском меде была самая сильная в стране кафедра стоматологии и косметической хирургии, а Гнатюк хотел, чтобы я занимался именно этим.

Я сначала это принял в штыки. Хиругом быть – да, это по мне, но косметологом?! Кошмар! Это ж работа только для баб, думал я, в том смысле, что женские обвисшие мордашки подтягивать недостойно мужчины! Конечно, я тогда не знал, что «обвисшие мордашки» подтягивают не только женщины, это раз, во-вторых, что подтягивают не только мордашки, но и суровые мужские прессы, и статная фигура иной кинозвезды мужского пола – это результат не только качаний на тренажере, но и работы хирурга. Гнатюк мне все очень доходчиво объяснил, но главное, чем он меня убедил, это рассказом о развитии косметологии в Европе и Америке. Как раз девяностые годы начались, Россия, «задрав штаны», ринулась в цивилизованный мир и стала под него всяко гримироваться. Косметических клиник создано было – не счесть, но все равно осторожные жены внезапно разбогатевших «новых русских» и всякие там известные артистки ездили омолаживаться в Швейцарию и Париж. Правда, с тех пор, как в этой самой Швейцарии одну нашу знаменитую певицу чуть не уложили в могилу за ее же

собственные несусветные деньги, наиболее разумные дамочки стали поглядывать и в сторону собственных врачей и наших институтов красоты. Я к тому времени доучивался в институте и уже потирал руки, ожидая, что вот завтра Гнатюк купит мне свой салон и я начну-у!..И вот вам здрасте: он вдруг звонит по телефону (он жил то в Нижнем, то в Хабаровске, но в основном руководил моей жизнью по прямому, так сказать, проводу) и сообщает, что мне надо срочно заняться оформлением заграничного паспорта и немедленно после получения диплома (кстати, его темой Гнатюк был жутко недоволен, но это уже дело десятое!) ехать в Сеул.

Для тех, кто сейчас вытаращил глаза в точности, как это сделал я в том апреле 1994 года: Сеул – это столица Южной Кореи. Нет, я это знал, конечно, однако не подозревал, что Южная Корея очень далеко обошла всех в мире по качеству пластической хирургии. Да, представьте! Не пижонистый Париж, не чинная Женева, ни крикливый Лос-Анджелес, не дешевые Афины (там даже самая сложная подтяжка стоит всего тысячу баксов), а тихий, вежливый Сеул впереди планеты всей в деле восстановления красоты и молодости.

Ну что ж, я послушался Гнатюка (я уже привык его слушаться беспрекословно) и отбыл в Сеул, порадовавшись, что у меня отличный английский (опять же – по настоянию моего приемного отца). Прожил я там четыре года, научился всему, чему следовало, причем мое увлечение биологией мне немало тут пригодилось, помогло усовершенствовать мое ремесло пластического хирурга, а потом я прямиком прилетел в Нижний, где Гнатюк обрисовал мне мое будущее – вернее, то, ради чего он вкладывал деньги в мое образование и мое обучение этому тонкому, ювелирному, этому живому ремеслу.

* * *

С утра позвонила Инна, и Алена едва узнала голос подруги – таким он был жалким, несчастным и больным.

– Привет! – прогундосила Инна. – Ты там как, жива?

– Я-то да, – сообщила писательница. – А ты?

– Местами, частично. У нас, Тюлениных, такой грипп образовался – причем откуда ни возьмись! Вроде бы и не общались ни с кем, а вчера утром у меня горло жуткое, у мужа нос распух, и температура, и озноб...

– То есть что, ветром надуло? – недоверчиво спросила Алена. – Если не общались ни с кем, откуда гриппу взяться? Он, сама знаешь, заразная болезнь. А вы, Тюленины, наверное, простудились просто-напросто. Небось Ленка ходил на речку, на льду лежать, сонных рыб смотреть, а ты гоняла на лыжах до седьмого пота?

Ничего не сказала Инна, лишь в ответ тяжело вздохнула. И это было доказательством того, что Алена очень хорошо знает своих ближайших друзей.

– Ну что ж, – сказала писательница Дмитриева ехидно. – С наступающим днем рождения тебя, дорогая подружка Инна! Таким образом, наш банкет откладывается до будущего года. Чувствуется, ананас придется съесть мне самой. И шарфик розовый я себе подарю. Себе, любимой, и себе, что характерно, здоровой!

– Это не по-товарищески, Ленка, – просипела Инна, и Алена поняла, что подруга смертельно обижена. Иначе бы ни за что не назвала ее этим ненавистным именем! – Мы, Тюленины, не виноваты, что такой морозяка был. Ну ладно, ананас ты съешь, так и быть, спишем это на форсмажорные обстоятельства, а шарфик не вздумай износить! Один раз разрешаю надеть на какую-нибудь чумовую свиданку, а больше – ни-ни! Кроме того, я ведь нас, Тюлениных, знаю. Через недельку мы уже будем вполне в норме, так что ты все-таки рассчитывай к нам приехать. Напразднуемся вволю! Это ведь заранее день рождения нельзя отмечать, а позднее – сколько угодно. Кстати, тут соседи хрюшку колоть собрались. Помнишь их кровяную колбаску? Грозились снова ее приготовить и нас угостить. Так что все, что ни делается, все к лучшему!

Алена содрогнулась. Нет ничего на свете вкуснее кровяной деревенской колбасы с гречневой кашей. И ничего нет страшнее для девичьей стройности... Причем удержаться от соблазна и не поесть этой колбаски совершенно невозможно. Но, может, повезет, и Инна с Ленкой проболуют дольше, чем неделю? И их отпуск кончится, и они будут вынуждены вернуться домой? И Алене не придется ехать в деревню, чтобы подвергнуться этому жуткому колбасному искушению?

Хотя, с другой стороны, что им мешает привезти кровяной колбасы с собой в город? Нет спасенья, нет спасенья...

Удрученная этой мыслью, Алена рассеянно простилась с подругой, встала из-за компьютера и пошла на кухню выпить кофе. За несколько минут до того, как позвонила простуженная Инна, наша поденщица закончила обработку очередной порции романа про многотрудную жизнь Ивана Антоновича Саблина. Причем в этой части текста ее внимание привлекли две вещи. Во-первых, название города, где учился в медицинском институте Саблин. Хабаровск! Удивительное совпадение: с утра пораньше пришло письмо из Хабаровска с требованием электронного интервью, и, вдобавок ко всему, именно в Хабаровске какое-то время жил герой заказного романа. Еще во время первого разговора по телефону Саблин обмолвился, что роман будет печататься в нескольких номерах газеты, находящейся в неведомом городе. Напрашивается простейший логический вывод: газета сия называется «Зеленое яблоко», а находится она именно что в Хабаровске. Ничего особенного: биографическая справка автора – дело вполне естественное при публикации. Вопрос только, почему этой Нине Корпачевой, заму редактора «Яблока», нужно было врать Алене и ссылаться на какую-то безумную популярность ее у читателя? Или первое ко второму, то есть будущая публикация и это интервью, так-таки не имеют друг к другу никакого отношения?

Странно еще вот что. Почему Саблин так уж уверен, что эта неведомая газета (ну, предположим, «Зеленое яблоко», без разницы) непременно захочет опубликовать рукомесо Алены Ярушкиной? Или у него уговор с редактором? С замом редактора?.. Или просто куплено несколько полос? Судя по размаху выплат гонорара, деньги для него – не цель, а лишь средство достижения цели...

Алена взглянула на часы – десять ровно. В Хабаровске, значит, семнадцать, ведь там день начинается на семь часов раньше. Маша, конечно, уже дома... Она набрала домашний номер своей хабаровской подруги, однако ответом были только длинные гудки. Ладно, перезвонимся позже, а пока вопрос можно задать и по электронной почте. Алена открыла «Outlook Express» и написала подруге письмишко, в котором не только сообщила ей о здоровье и состоянии своих сердечных дел, но и попросила узнать все, что только возможно, о газете «Зеленое яблоко» вообще, а о заместительнице главного редактора Нине Корпачевой – в частности.

Имелось в тексте еще нечто, что зацепило Алену, однако это «нечто» было совершенно неуловимым и неопределимым, хотя и существующим, – совершенно как... совершенно как феромоны, эти летучие вещества, которые испускаются всеми животными и воспринимаются даже не на уровне обонятельного, а скорее на чувственном, вызывая и половое влечение, и страх, и агрессию или покорность, и сигнализируя об опасности.

Кстати, вот и ответ на вопрос кроссворда охранника Славы: «биологически активные вещества, имеющие сигнальное значение и выделяемые специальными железами животных в окружающую среду в очень малых количествах – на букву «ф». И букв в слове «феромоны» меньше, чем в слове «фитонциды»...

Да, было, было еще нечто в новом отрывке текста, заставившее Алену насторожиться и взволноваться, но что?

Она вновь перечитала готовый фрагмент, однако ничего, подтверждающего свою тревогу, не нашла и взялась за обработку очередного отрывка.

Алена умела работать, совершенно отвлекаясь от реальности, так, что часы бежали мимо нее, не касаясь, словно на цыпочках, словно боялись отвлечь, и частенько, усевшись за компьютер утром, она, казалось, через час почти с ужасом обнаруживала за окном сумерки. Однако нынче выдался совершенно не такой день. Занятая историей Саблина, которая чем дальше, тем больше интересовала ее, Алена все-таки не могла перестать думать о том, что именно сегодня в «Барбарисе» дежурит Игорь. И, если честно, ее преследовало одно лишь желание: как можно скорей бросить все на свете выдуманные и совершенно неважные истории про чьи-то там долги перед неведомо кем – и вернуться к своей, реальной и единственно значимой для нее истории. Увы, вовсе не глубокая внутренняя самодисциплина не давала ей встать из-за компьютера, а просто трезвая оценка ситуации. Она уже давно помчалась бы в «Барбарис», однако раньше глубокого вечера там было совершенно нечего делать. Жанна сказала, что ремонтники будут трудиться до девяти. Значит, самое раннее, когда там можно появиться, это в половине десятого, а лучше в десять. Игорь к тому времени как раз достаточно заскучает и проголодается, а потому с восторгом набросится на сумки неожиданной визитерши. А также, хочется верить, и на нее саму.

Поскольку путь к сердцу мужчины лежит, кроме других, более прямых путей, также и через желудок, Алена отнеслась к задаче со всей ответственностью. На закуску авокадо и собственноручно маринованные креветки, черный хлеб с изюмом (дивное изобретение нижегородских хлебопеков!), а по случаю усиливающихся морозов – огненно-горячая тушеная баранина в глиняном горшочке: этому набору предстояло проторить дорожку к сердцу любимого. Открыть врата осажденной крепости должна была фляжка с бренди «Дар Темрюка». А закрепить победу над без боя сдавшимся гарнизоном предстояло тому самому ананасу, который сначала предназначался для Инны, ну а теперь, в связи с болезнью супругов Тюлениных... Нет, в самом деле: все, что ни делается, делается к лучшему!

Ананас был уложен в отдельную сумочку, чтобы, не дай бог, не память, не продавить бочок переспелого фрукта.

На улице к вечеру и впрямь похолодало. Электронный термометр телеканала «Волга» пугал минус двенадцатью градусами. Алена подумала-подумала – и прихватила с собой еще термос с горячим чаем. Сама оделась, конечно, тепло и вообще так, чтобы можно было спокойно добраться до любимого между горами строительного мусора, а также не жалко было сесть (или лечь?) где попало, однако под свитером и теплыми вельветовыми джинсами на ней было умопомрачительное белье цвета шампанского: бюстгальтер – сплошное кружево и крошечные шелковые розочки, ну а нижний этаж Алена Дмитриева на сей раз упаковала не в тривиальные трусики и даже не в экстремальные стринги (имелась, о да, имелась такая слабость у нашей писательницы – стринги!), а в кружевные шортики, при виде которых у всякого нормального мужчины должно было возникнуть одно желание – немедленно стащить их с женщины. Или хотя бы приспустить до разумных... вернее, до неразумных пределов! Именно такое снаряжение выбрала Алена, идя на поводу у своего внутреннего голоса – эдакого игривого беса.

В конце концов она, должным образом экипированная и обремененная двумя сумками с боеприпасами, выскочила из дому в морозную, снежную ночь, не забыв, конечно, сдать квартиру на сигнализацию.

Видимо, в предвкушении любовного свидания с идолом сердца у нее так сияли глаза, что аж трое мужчин в маршрутке пожелаали узнать, куда эта красавица направляется на ночь глядя и не хочет ли она изменить «траекторию полета». Да-да, один из попутчиков именно так и выразился, словно она была не обычной женщиной, а ведьмой на метле! Эти невинные, но приятные моменты немало повысили тонус Алены, и ее просто-таки трясло от возбуждения, когда она наконец добралась до «Барбариса» и осторожно поскреблась в дверь.

Впрочем, спустя несколько минут она подумала, что осторожность тут неуместна. Игорь, конечно, забился в какой-нибудь дальний уголок и слушает музыку. Музыка он, как и всякий представитель современной молодежи, воспринимает только громкую, вернее, оглушительную. Сквозь нее не пробиться робкому, деликатному постукиванию.

Алена постучала громче, потом еще громче. Потом поставила сумку на снег и заколотила в дверь двумя руками.

Дверь ходила ходуном, стекла дребезжали. Вот-вот могла появиться милиция, которая довольно часто мелькала на Рождественской улице, где было мало жилых домов, зато сплошь сверкали витрины магазинов и кафе.

Алена опасливо оглянулась, однако не обнаружила ни одной машины, кроме какой-то прогонистой темной иномарки, приткнувшейся к противоположному тротуару поодаль от «Барбариса». А любимый сторож по-прежнему не выходил. Возможно, он уснул на дежурстве. Алена знала, что ее возлюбленный спит о-очень крепко. Но, честно говоря, грохот, который она подняла, мог разбудить и мертвого!

В эту самую минуту некто, сидевший в «БМВ», припаркованном чуть в стороне от ресторана «Барбарис», заметил женскую фигуру у дверей ресторана. Насторожился, взгляделся – и, судя по всему, не поверил своим глазам. Он осторожно, чуть слышно приоткрыл дверцу, выглянул – и даже присвистнул от изумления... Закрыв так же бесшумно дверь, достал из кармана сотовый телефон и набрал некий номер.

Звонок прозвучал в «Ауди», которая стояла во дворе «Барбариса», скрытая старым сараем, неразличимая во тьме.

– Алло? – отозвался недовольный голос человека, забившегося в уголок заднего сиденья. – Что произошло?

– Гости к нам, – ответил водитель «БМВ», насмешливой интонацией скрывая тревогу. – Никого не ждешь?

– Что еще за гости?

– Твоя новая подружка.

– Какая еще новая подружка, что ты такое несешь?! – Голос человека, сидевшего в «Ауди», звучал сварливо.

– Писательница эта в дверь ломится.

– Что-о?!

– Ну да. Она самая. Я еще вчера понял, что у нее какой-то интерес в «Барбарисе» имеется. Не тот ли мальчонка, которого только что... Ее, значит, тоже списываем? Я-то думал, она тебе еще нужна.

Человек, сидевший в «Ауди», сдавленно выругался.

– В том-то и дело, что нужна!

– А как быть?

– Может, постучит-постучит да уйдет?

– Ох, что-то не похоже... Как бы она тут вообще все не разнесла!

– Ты можешь ее остановить?

– А вдруг она меня узнает?

– Да... Ч-черт!

– А с тем парнем уже кончено, как думаешь?

– Должно быть... – Человек из «Ауди» снова выругался и схватился за ручку дверцы. – Ладно. Ничего не предпринимай, не вмешивайся ни во что. Может быть, я успею? Хотя нет, если что, подстрахуешь меня с улицы. Без команды ни шагу!

– Что я должен буду делать?.. – взволнованно начал было спрашивать водитель «БМВ», однако ответом ему были только короткие гудки.

А может быть, Игорь просто не хочет подходить к двери, подумала в это мгновение Алена. Ведь по Рождественке по ночам не только милиция разъезжает, но и всякая бомжара шляется, а то и еще похуже. Небось откроешь кому ни попадя, а потом хлопот не оберешься.

Ну что ж, осторожность не только объяснимая, но и вполне разумная.

Мысленно похвалив своего разумного и осторожного возлюбленного, Алена расстегнула дубленку и достала мобильный телефон, висевший на шее на шнурке. Набрала хорошо знакомый номер и принялась с нетерпением вслушиваться в гудки.

Видимо, Игорь и впрямь спал о-очень крепко, потому что не слышал, как разорется его мобильник. Или... Алена встревоженно прикусила губу... или он увидел, какой номер высветился на дисплее, и не хочет разговаривать с обладательницей этого номера, ну а уж тем более – двери ей отворять.

Черт, ну что он делает?! Ведь баранина же остынет! И ананас своими колючими боками всю сумку изорвал, как бы не вывалился.

Алена рысцой пронеслась туда-сюда мимо окон, однако они были завешаны так плотно, что, если даже внутри и горел свет, ни единый лучик не пробивался сквозь тяжелые шторы.

Тишина и темнота.

Баранина остынет? Да не черт ли с ней, с бараниной?! Тут сердце вот-вот остынет... то есть, тьфу, не остынет, а остановится от боли, от внезапной догадки: а что, если Игорь там не один, в этой тишине и темноте «Барбариса»?!

Алена всхлипнула от отчаяния, но тут же прикусила губу.

Да, кажется, зря у нее нынче сияли глаза! Может быть, и впрямь следовало изменить траекторию полета?

А теперь придется возвращаться домой со всем этим заботливо приготовленным бараклом!

Ну уж нет. Она просто сойдет с ума от обиды и горя!

С кем он там?

Да мало ли желающих!..

Ну, с кем бы он ни был, Алена должна это узнать. Может быть, увидев такое, больше не захочет знать Игоря? Иногда она мечтает освободиться от его власти над собой, от почти наркотической зависимости от него, от своего желания, от этой запоздалой, мучительной, никому не нужной, почти постыдной любви.

Цветы запоздалые...

Нужно увидеть, даже если этим самым цветам предстоит нынче ночью померзнуть!

Увидеть, главное! Ишь ты! Это легче захотеть, чем сделать. Не камнем же двери выбивать. Да и где их тут найдешь, эти камни? Булыжники, орудие пролетариата, которыми некогда была вымощена Рождественка, давно замурованы под асфальт...

Секунду. А может быть, Алена напрасно беснуется? Может быть, Игорь все-таки не слышит ни стука, ни звонков? Да, спит крепким сном, а мобильник забыл дома. И что такого? Запросто! Гениальная писательница и сама страшная раззява, сколько раз уходила, оставив телефон на письменном столе!

Она попыталась успокоиться, собраться с мыслями.

Надо постучать с черного хода, вот что надо сделать. Подсобка (самое теплое место во всем «Барбарисе»), в которой, конечно, поставлен топчанчик для сторожей, находится именно рядом с задней дверью. Конечно, конечно, если Алена постучит туда, Игорь услышит и откроет ей. И вообще, можно дотянуться до окна подсобки, уж стук-то в окно он точно услышит!

Алена подхватила свои сумки, мельком отметив, что ананас уже почти прорвал донышко непрочного пластикового пакета и надо бы его переложить, но тут же забыла об этом и ринулась за угол дома. Вбежала через арку в тесный дворик и остановилась. Ну и темнотища! Она

никогда не была здесь ночью. Куда теперь податься?.. Вроде бы вот здесь, направо, дверь черного хода. А еще правее – окно подсобки.

Во всяком случае, там темно. Значит ли это, что Игорь там один и спит? Или это значит, что он там спит не один?

В самом деле, зачем двоим свет?!

Алена неуверенно пошла туда, где, как ей казалось, должна была находиться дверь черного хода. Темнотища, фонарик бы... Фонарика нет, но есть мобильный телефон!

Перехватила сумки одной рукой, достала телефон, включила дисплей. И вдруг вспомнила, как осенью они с Игорем были в гостях у Жанны на даче, в Зеленом городе. То есть там был и Валерий, муж Жанны, были и Андрей с Леной, коллеги Игоря по танцевальному шоу, но для Алены, как всегда, имел значение только он один. Это было в конце ноября, темнело необыкновенно рано, уже в шесть стало хоть глаз выколи. Пошли гулять по лесу, и Алена где-то потеряла перчатку. Всей компанией начали искать ее, подсвечивая себе мобильниками. Картина, конечно, выдалась еще та: в полусогнутом состоянии бродят по лесу полупьяные фигуры, мертвенно мерцая разнокалиберными телефонами... Нахохотались вволю, вошли в страшный поисковый азарт. Правда, у Игоря и Алены зарядники телефонов почему-то очень быстро сели, так что они оказались в темноте и участия в поисках больше не принимали. Отстали от других, чтобы нацеловаться до одури, но им все было мало, мало, так что радостный крик Андрея, нашедшего наконец злополучную перчатку, их вовсе не обрадовал, а поверг в немалое уныние, потому что заставил испуганно отпрянуть друг от друга, торопливо застегиваясь и поправляя одежду...

Стоило вспомнить жадные губы Игоря, его нетерпеливые руки, шальной блеск его глаз в темноте, как у Алены чуть слезы не хлынули. Неужели всего этого больше не останется в ее жизни? Может быть, не нужно рваться в этот несчастный «Барбарис»? Может быть, лучше убраться восвояси, не дергаться, не мучиться? Зачем ей знать то, чего не нужно знать? Во многих мудрости многие печали... Может быть, есть смысл убедить себя в том, что Игоря здесь вообще нет? Ну, не дежурит он сегодня, вообще никто не сторожит «Барбарис»... Да кому, в самом-то деле, нужны груды строительного мусора?!

Алена нервно махнула телефоном, и тут сердце ее дрогнуло, потому что в промельке света она разглядела: дверь черного хода в «Барбарис» чуть-чуть приоткрыта. А еще она увидела на снегу...

* * *

– Димка! Дим! Привет, это я, Раечка!

Молчание. Раечка перепугалась. Она с таким трудом дозвонилась, сколько дней мучилась, а он молчит, как будто совершенно не желает с ней разговаривать!

– Димка!!! Ты чего молчишь? Ты меня не слышишь, что ли? – чуть не закричала она.

– Слышу.

Может, он спал, а она его разбудила? Какой-то голос у него... как из бочки – глухой, гулкий. Или это телефон чудесит?

– Ой, ты знаешь, я никак не могла к тебе пробиться! У тебя почему-то телефон был все время выключен. Или ты уезжал? Или что?

– А, это ты, Райка? Привет. Я тебя не узнал, – промямлил Димка.

Опять Райка! Опять он ее так называет! Но Раечка спрятала обиду поглубже.

– Как не узнал, погоди, ты что? У тебя разве не работает определитель номера?

– А при чем тут определитель номера?

– Как при чем? У тебя ж должен мой номер определиться, должна появиться надпись: Раечка, мол, звонит.

– А... ну это, я... нет, номер не определился, – вяло объяснил Димка.

– Почему?

– Ну, я его... это... стер нечаянно в телефонной книжке.

Нечаянно?! Знаем мы эти нечаянно!

Но что случилось, почему?... Неужели он до сих пор злится?

– Дим, ты что, все еще сердишься?

– На что? На тебя? – Димка, чудилось, даже не заметил, что назвал Раечку неодушевленным местоимением. – Да ты знаешь, мне все это по такому большому барабану...

Раечкино замирающее сердечко вовсе перестало биться.

Все по барабану?! Все? И она в том числе?

Господи! Что с ним происходит?!

– Дим, мне нужно с тобой поговорить.

– Ну, говори, – согласился он с тяжким вздохом. – Только знаешь, у меня зарядка в мобильнике вот-вот кончится. Так что ты побыстрей.

– Димка! – заорала Раечка сквозь внезапные слезы. – Я так не могу! Куда ты пропал, почему не хочешь со мной общаться, почему не звонишь мне? Я чуть с ума не сошла, я...

– Я тоже чуть с ума не сошел, – вдруг быстро проговорил Димка, и Раечкино сердце заколотилось с невероятной быстротой.

«Я тоже чуть с ума не сошел!»

Значит, Димка по ней скучал? Так же сильно, как Раечка – по нему? Но почему тогда... почему тогда ни разу не позвонил, не нашел ее? Неужели и в самом деле стер нечаянно телефон? А что? Такое вполне может случиться с кем угодно!

Ну да – и мобильный нечаянно стер, и квартирный...

Запросто! Только не нечаянно, а нарочно! В сердцах. А потом жутко раскаялся и... и, как сам признался, чуть с ума не сошел.

– Ты даже представить не можешь, что тут со мной происходит, – сдавленно пробормотал Димка. – Я в такой заднице, Раисенок, ты бы знала!

Она насторожилась. С одной стороны – «Раисенок». С другой стороны, словечко «задница» не слишком-то стыковалось с сумасшествием от любви, с разбитым сердцем...

Ой, что-то она стала не по делу цепляться к словам, совсем как противная писательница Дмитриева!

– Что ты говоришь? – переспросила Раечка дрогнувшим голосом, очень надеясь, что ослышалась и чего-то не поняла.

– Я знаешь, почему телефон выключал? – выпалил Димка. – Я боялся, что они меня найдут. Думал, если не буду отвечать на звонки, как-нибудь все обойдется. А они меня нашли, домой ко мне притащились и говорят: «Все, парень, дело твое швах. Ты у нас на крючке, счетчик включен, штраф капает, и если ты не заплатишь или как-то не выкупишься, тебе кранты. Понял?»

– Погоди, я не понимаю... – жалобно пробормотала Раечка. – Ты о чем? Какой кран? Что капает?

– Да не кран, а кранты! Я про долг! – хмуро ответил Димка. – Помнишь, я у тебя деньги просил?

– Конечно, но ведь ты говорил, что для развития бизнеса. Дим, ты знаешь, я попро... – начала было Раечка, но Димка не дал договорить:

– Нет, там все гораздо хуже. На самом деле я брал у одного серьезного человека деньги в долг. Как раз для развития этого долбаного бизнеса. Но меня кинули... Я заказал одному чуваку товар, а он меня бортанул и скрылся с деньгами. И вот теперь тот чел, который мне давал в долг, требует его вернуть. Ну, это нормально, это понятно, однако ж у меня башлей нет! Он говорит: «Верни долг, и я тебя возьму в свое дело, будешь зарабатывать как надо. Пока

ты не отдал деньги, я тебе доверять не могу. А вернешь – я перед тобой такие перспективы открою, ты сразу человеком станешь».

– Дима, – чуть дыша от волнения, проговорила Раечка, – я тебе знаешь что хочу сказать?..

– Да знаю я все, – со вздохом перебил Димка, – знаю. Но мне теперь вообще писец, понимаешь? Мне придется человека убить, чтобы с крючка слезть. И я даже не знаю, кто этот человек, я его увижу сегодня вечером впервые в жизни. А может, он меня убьет. Это уже как повезет, так что, Раечка, ты извини, мне сейчас не до...

– Дима! – выкрикнула Раечка. – погоди! Ничего не надо делать, потому что отец согласен... я его почти уговорила, мы еще вместе должны на него надавить, и, когда он увидит, какой ты, увидит, как я тебя люблю, он даст деньги, я точно знаю!

Она выкрикивала все это автоматически, потому что в трубке уже давно звучали гудки, гудки... Она просто не верила ушам, не верила, что Димка бросил трубку, что совсем бросил Раечку, что не нужны ему ни она, ни ее деньги, что ему лучше убить кого-то и даже самому быть убитым, чем взять у нее деньги. Он боится, что она из-за этих денег получит на него какие-то права – так, что ли? Или не надеется на отца? Но отец обещал... нет, *почти* обещал!

Потом Раечка вспомнила, что Димка предупредил: мол, зарядка его мобильного может кончиться. А вдруг она и впрямь кончилась? И он не услышал, не успел услышать Раечку только потому, что телефон сам выключился.

Что же, что же, что же теперь делать? Конечно, она перезвонит, она сто раз перезвонит, будет звонить, пока его не вызвонит. Она выпепит Димку, когда телефон зарядится. Вопрос только, когда это произойдет. И что он успеет за это время накуролесить?!

А деньги-то, можно сказать, у нее в кармане!

– Димка, Димка, ну ты что? – жалобно пробормотала Раечка, снова и снова притискивая мобильник к уху и вслушиваясь в короткие гудки.

Димка мрачно кивнул выключенному телефону, у которого все было в абсолютном порядке с зарядкой батареи. Жалобные крики Райки все еще отдавались в ушах.

Нормально! Пусть не одному ему будет хреново. Пусть девчонка подергается. Думает, если у нее богатый папаша, можно над людьми издеваться? Да на фиг она была бы нужна Димке, если бы не эти деньги, на которые он рассчитывал? Вот сделает он то, чего хочет от него Гном, и станет наконец-то свободным человеком.

Он мрачно усмехнулся.

На самом-то деле все совсем не так, как думает перепуганная Райка. Долги, бизнес... Ой, чепуха все это. Дурочка, он ей наплел с три короба, какую-то байку рассказал, про какие только в глупых газетках пишут. В действительности все куда хуже, куда страшней, куда проще.

Почему люди думают, что он так уж сильно боится убить? Ну, Райка – ладно, а то ведь и Моська кудахтала там чего-то...

Димка расхохотался. Моська – кудахтала... Хорошо получилось. Кудяхчущая Моська (уродина мерзкая!) убеждена, что Димка боится крови, что ему нужно ободрение. Да чепуха! Ему нужна свобода, а через что надо переступить на этом пути – какая разница, труп, два, три?

Главное, самому не влипнуть, сделать все по-умному. Почему Моська так уверена, будто то, что Димка найдет в «Барбарисе», он в клювике покорно потащит Гному? Ждите ответа, козлы! Всю жизнь гнуть спину на Гнома, на кого-то другого – это не для Димки Сазонова. Он сам будет других скручивать в дугу, в узел завязывать – только надо НАЙТИ.

НАЙТИ ЭТО.

А если Райка все же уломает своего папашу и тот даст башли – ну, деньги лишними никогда не бывают, правда ведь?

Но все это пока не главное. Главное то, что Димке предстоит завтра. Завтра вечером. Он приедет в «Барбарис», чего-нибудь наврет сторожу, чтобы тот его впустил, и...

Это чепуха. Наврять – это за ним не заржавеет! К примеру, скажет, что он из санэпидстанции. Там ведь у них, в «Барбарисе», теперь постоянно санэпидстанция пасется. Или – что он ремонтник, который забыл свое барахлишко. Вряд ли сторож помнит всех строителей в лицо. Их там до черта, целая бригада. Да, Гном – великий человек, с каким размахом все устроил, чтобы закрыть этот несчастный кабак! Крысы, тараканы, протечка... То есть Димке туда попасть – проще простого. Главное, чтобы не помешала Моська. С этой сволочи вполне станет караулить, стеречь, отслеживать. Чтобы такое придумать, чтобы избавиться от Моськи? Чтобы можно было спокойно уйти потом с находкой? Как расчистить путь?

Как? Ты что, идиот, Димка? Да очень просто. Не надо тратить все патроны на сторожа, только и всего. Что-нибудь надо оставить на Моську, если та посмеет сунуться поперек дороги.

Все просто. Все очень просто.

Делать нечего!

* * *

А еще Алена увидела на снегу след...

И хотя в эту минуту дисплей ее телефона погас, она продолжала видеть этот след так отчетливо, будто он сам собой светился в темноте: узкий, удлиненный отпечаток подошвы остроносого сапожка на тонком каблучке.

След женского сапожка! Женской ноги!

Алена снова осветила снег мобильником. Так, отпечаток, конечно, не один: целая цепочка следов ведет откуда-то из-под арки. Около двери есть и отпечатки мужских башмаков с ребристой подошвой, но женщина прошла позже. Причем буквально вот только что, не более четверти часа назад, – маленький снежок еще не успел замести следы, лишь чуточку припорошил их.

Дисплей снова погас, и Алена снова задействовала его. И снова уставилась на этот роковой след... правда что роковой! Он так много, так жутко много значил сейчас для нее. Мигом вырисовался портрет женщины, которая вошла сюда не более чем четверть часа назад: она невысока ростом, гораздо ниже Алены. (Игорь вечно бухтел, что его подруга слишком высокая, и даже приговаривал, случалось, такое: «Я не могу, если девушка выше меня!») Ничего, мог, конечно, но, видимо, через силу, а теперь, с этой... теперь ему и напрягаться не придется, у нее ножка не больше тридцать шестого, а может, даже и тридцать пятого размера – гора-аздо меньше Алениной ноги!

О господи, сколько преимуществ у этой неизвестной соперницы! И хотя Алена ее в глаза не видела, она уже знала главное, самое главное и неоспоримое из этих преимуществ: соперница, конечно, красива и, разумеется, молода, молода, несравнимо моложе ее и несравнимо больше, чем она, подходит Игорю!

Алена громко всхлинула и, чтобы вытереть набежавшие слезы, отшвырнула в снег одну из сумок, едва ли соображая, что, собственно, делает. А впрочем, кому теперь нужны ее горячая, огненная баранина и все остальное?

Авокадо – кому оно надо?!

И ее любовь никому не нужна. Цветы запоздалые безнадежно запоздали!

Она повернулась к арке. Надо уйти, поскорей уйти...

Что? Нет! Нужно не уходить, а остаться. Чтобы все узнать! Нужно убедиться в измене Игоря собственными глазами, иначе – Алена отлично знала себя! – ложная надежда не даст ей потом покоя.

Она осторожно потянула на себя дверь, молясь, чтоб та не скрипнула. Дверь была тяжелая, металлическая, сейфовая и отворялась с трудом, зато совершенно бесшумно. Спустя две или три минуты Алена смогла протиснуться в узенький коридорчик – и только в последнюю

секунду вспомнила, что перед дверью две ступеньки. Еще не хватало сейчас грохнуться с них с шумом и грохотом, ногу подвернуть, а потом жалобно звать о помощи, помешав Игорю... в чем?

Да в чем угодно!

Алена крадучись сползла со ступенек, придерживаясь за стеночку, и только сейчас обнаружила, что сумка с наполовину торчащим из нее ананасом до сих пор болтается у нее на запястье. Видимо, расправляясь в состоянии аффекта с ни в чем не повинной бараниной (а также авокадо, креветками и черным хлебом с изюмом), она просто забыла про злополучный ананас. Алена попыталась снять сумку, но та зацепилась за манжету дубленки. Начнешь отцеплять – шелест пойдет такой, что тайны своего прибытия в «Барбарис» сохранить уже не удастся. Еще спугнешь голубков – вон дверь подсобки совсем рядом.

Она затаила дыхание и вслушалась. Ни стонов, ни томных вздохов... Похоже, означенные голубки уже притомились от любви.

Или, может, они ею вовсе не занимались?! Может, Алена зря... зря она это зате...

Она замерла, услышав легкий шелест шагов за углом. Кто-то прошел, вернее, прокрался совсем близко. Человек? Или это была торопливая пробежка крысы?

Алена выждала какое-то мгновение, но, не услышав больше ни звука, осмелилась переместиться ближе к повороту коридора – и тотчас увидела впереди пятно света.

Она довольно часто бывала раньше в «Барбарисе» и думала, что хорошо знает его, однако сейчас, лишенный привычной мебели, портьер, привычных звуков и запахов, ресторан казался совершенно чужим и непохожим на себя. Где горит свет? В кухне? В холле? Или в зале?

Надо умудриться добраться до угла и выглянуть. Алена сделала шаг, другой – и остолбенела, едва не заорав во весь голос.

Было с чего! У ног ее валялась крыса с окровавленной головой! Дохлая! В смысле убитая!

«Голодно, холодно и скучно! – словно бы зазвучал в ее голове насмешливый голос Жанны. – Только и развлечений, что по крысам из мелкашки стрелять!»

Ага, значит, Игорь развлекался именно этим – пока не пришла *она*...

Кто?

Да вот же она, Алена ее видит... торчит прямо напротив, держа пластиковую сумку, одета в короткую дубленку, без шапки, взлохмаченная, с огромными испуганными глазами, бледная...

Тьфу! Да ведь Алена смотрит на себя, это ее собственное отражение в большущем запыленном зеркале, которое стоит, прислоненное к стене, и пугает добрых людей!

Вообще-то, зря его не повесили, зеркало-то. Во-первых, пыль на нем и даже будто ошметки цемента, а во-вторых, вдруг да зацепит его кто-то из рабочих каким-нибудь ящиком или рулоном. А впрочем, может быть, оно было завешанным, да Игорь, этот Нарцисс несчастный, нарочно его открыл, чтобы снова и снова любоваться своей красотой, о которой ему щебечут все кому не лень, а одна чокнутая писательница-обожательница и вообще все уши прожужжала.

Вот эта самая, которая сейчас таращится на Алену из пыльного зеркала.

Алена с трудом подавила желание соорудить своему отражению предупредительную гримасу и двинулась было дальше, но снова замерла, потому что опять услышала звук шагов. Однако теперь это был отнюдь не крадущийся шелест. Какой-то человек медленно и довольно гулко прошел за поворотом коридора в зал, волоча за собой что-то тяжелое.

Это еще что такое?!

Может быть, просто-напросто рабочие еще не ушли из ресторана? Перетаскивают какие-нибудь мешки или инструменты?

Алена задумчиво нахмурилась. Хорошо это или плохо? То есть никаких опасных красот с маленькой ножкой тут не наблюдается, обладательница узкого следа – это, условно говоря, прораб или бригадир...

Вот именно – условно говоря! Вокруг Игоря вечно крутятся какие-нибудь прорабы-бригадиры женского пола!

Однако хорошо же будет выглядеть писательница Дмитриева, если ремонтник-работоголик или дама-прораб, она же – бригадир, вдруг увидят ее вот такой, крадущейся, с вытаращенными глазками. Небось решат, что это местное привидение, дух «Барбариса».

Да пусть что хотят, то и думают, на всякий чих не наздравствуешься, решила сердито Алена и продолжала передвигаться, еле касаясь ногами пола.

Наконец она достигла поворота коридора. С трудом удалось сообразить, что теперь она смотрит в зал от задней стенки сцены. Сколько раз влюбленная писательница сидела вон там, недалеко от окна, и пыталась за черной шторкой, из-за которой появлялись на маленькой сцене танцоры и актеры, разглядеть своего обожаемого Игоря! Сколько раз пыталась поймать мельканье его улыбки, сияние его глаз, когда он летал в танце, как ослепительная птица!

А теперь она выслеживает его, как будто...

И тут Алена мигом забыла, о чем думала, обо всем на свете забыла, потому что увидела в зале человека. Но это был не Игорь. Неяркая голая лампочка, висевшая на шнуре, выхватывала из темноты лишь самую середину зала, оставляя все углы погруженными в темноту, и Алена только и смогла рассмотреть, что это среднего роста, широкоплечий парень в короткой черной куртке с меховым воротником и в джинсах. Кажется, у него были довольно светлые, стриженные ежиком волосы. Он стоял, нагнувшись над каким-то бесформенным мешком в углу (ага, теперь понятно, кто и что волок), и доставал из этого мешка что-то, тихонько звенящее.

Вот интересно, что это такое? Может, строитель клад нашел среди развалин?

В эту минуту по Рождественской улице за окнами «Барбариса» прогрохотал по рельсам запоздавший трамвай. Лампочка под потолком качнулась, отбрасывая причудливые тени и вырывая из темноты углы зала, и Алена увидела, как в руке незнакомого парня вспыхнул блик света – вспыхнул на чем-то, очень хорошо ей знакомом... В следующий миг она не столько разглядела, сколько догадалась, что свет бликует на часах с браслетом, которые парень вовсе не достает из какого-то там мешка, а снимает с чьей-то бессильно повисшей руки.

Рука принадлежала человеку, который лежал, скорчившись, в углу.

Странно – сначала Алена узнала часы. Это был тот самый «Ориент», который она в прошлом году подарила Игорю. И только потом до нее дошло, что там, в углу, лежит Игорь.

Она не закричала только потому, что в первую секунду не поверила глазам, подавилась ужасом, ошеломлением. А в следующий миг прижала руку ко рту, глуша этот рвущийся крик и понимая: если выдаст себя, то пропадет. Этот человек в черной куртке убьет ее, и тогда она уже ничем не сможет помочь Игорю!

Может быть, он еще жив?..

От резкого движения сумка, висящая на манжете ее дубленки, предательски зашелестела, и парень в куртке разогнулся, повернул голову. Но за полсекунды до того мига, как он увидел бы Алену, она успела отпрянуть в темноту, за угол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.